

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство ПИ № ФС 77-61039 от 5 марта 2015 г.)

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия серии:

Д-р юр. наук, профессор О.Ю. Ильина (*главный редактор*)
д-р юр. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова,
д-р юр. наук, доц. Н.А. Антонова,
д-р юр. наук, проф. М.В. Баранова,
д-р юр. наук, проф. А.Г. Безверхов,
д-р юр. наук, проф., Ю.Ф. Беспалов,
д-р юр. наук, проф. А.А. Воротников,
д-р юр. наук, проф. И.Г. Дудко,
д-р юр. наук, проф. А.И. Коробеев,
д-р юр. наук, проф. Крусс В.И.,
д-р юр. наук, проф. А.Н. Кузбагаров,
д-р юр. наук, доцент А.Н. Левушкин,
д-р юр. наук, проф. Т.Н. Михеева,
д-р юр. наук, проф. Ю.А. Попова,
д-р юр. наук, проф. Б.В. Яценко.

Адрес редакции:

Россия, 170021, Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22. ауд. 222
Тел.: (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть
репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

VESTNIK TVGU

Seriya: PRAVO

No 3 (59), 2019

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications
(PI № ФС 77-61039 from March 5, 2015)

Translated Title

HERALD OF TVER STATE UNIVERSITY. SERIES: Pravo

Founder

FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «TVER STATE UNIVERSITY»

Editorial Board of the Series:

Dr. of Sciences, Prof. O.U. Ilina (editor-in-chief)

Dr. of Sciences, Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova

Dr. of Sciences N.A. Antonova,

Dr. of Sciences M.V. Baranova,

Dr. of Sciences A.G. Bezverkhov,

Dr. of Sciences Y.F. Besimalov,

Dr. of Sciences A.A. Vorotnikov,

Dr. of Sciences I.G. Dudko,

Dr. of Sciences A.I. Korobeev,

Dr. of Sciences, Prof. V.I. Kruss,

Dr. of Sciences A.N. Kuzbagarov,

Dr. of Sciences A. N. Levushkin,

Dr. of Sciences T.N. Mikheeva,

Dr. of Sciences Yu.A. Popova,

Dr. of Sciences B.V. Yatselenko.

Editorial Office:

Russia, 170021, Tver, st. 2nd Griboyedov, d. 22 aud. 222

Phone: (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.

Меры ответственности депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в случае неисполнения требований антикоррупционного законодательства.....7

Рязанова Е. А.

Некоторые аспекты реализации конституционного права ребенка на образование, связанные с местом его проживания.....13

Сухарев А.Н.

Предложения по модернизации законодательства, регулирующего финансово-экономические аспекты деятельности управляющих организаций сферы жилищно-коммунального хозяйства.....20

Федина А.С.

Правовое регулирование и принципы примирительных процедур (на основе анализа главы 14.1. ГПК РФ).....28

Хотькина О.К.

Отличительные особенности коррупционных проявлений в уголовно-исполнительной системе.....37

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Афтахова А.В.

Некоторые аспекты правового регулирования миссионерской деятельности в Российской Федерации.....42

Драгунова С.А.

Понятие и правовая природа права на переработку произведения.....50

Дронова Ю.А., Туманова Л.В.

Отказ родителей от медицинского вмешательства в отношении ребенка: право или преступление?.....57

Жукова О.В.

О некоторых вопросах правового регулирования предоставления грантов в Тверской области.....71

Мальцева А.А., Ключникова Е.В., Попова О.А.

Современное состояние и направления совершенствования языкового законодательства в республиках Российской Федерации.....77

Сладкова А.А.

Философские основания формирования и развития Евразийского экономического союза в свете теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса.....86

Смирнов С. Н.

К вопросу о формировании образования в качестве канала вертикальной социальной мобильности в Российской Империи в 1801 – 1860 гг.: нормативная основа и практика функционирования.....95

Трофимец А. М.

Выявление преступлений, совершенных с использованием криптовалюты (опыт Королевства Испания).....104

Харитошкин В.В.

О мерах противодействия киберпреступности в международном и российском уголовном праве.....111

Трибуна молодого ученого

Геворгян М.А.

Нематериальные блага ребенка как частное и публичное социально-правовые явления в Российской Федерации.....118

CONTENT

Topical issues of public law

Antonova N.

Measures of responsibility of a deputy, a member of an elected local self-government body, an elected official of local self-government in case of non-compliance with the requirements of anti-corruption legislation.....7

Ryazanova E.

Some aspects of the implementation of the constitutional right of the child on education related to the place of its accommodation.....13

Sukharev A.

Proposals to modernise the legislation governing the economic and financial aspects of managing organizations of housing and utilities sector.....20

Fedina A.

Legal regulation and principles of conciliation procedures (based on the analysis of Chapter 14.1. Code of Civil Procedure of the Russian Federation).....28

Khotkina O.

Distinctive features of corruption manifestations in the penal correction system.....37

Topical issues of science and law enforcement practice

Aftakhova A.

Some aspects of legal regulation of missionary activities in Russian Federation.....42

Dragunova S.

Concept and legal nature of a right to recast a creative work.....50

Dronova Yu., Tumanova L.

Refusal of parents from medical intervention regarding the child: law or crime?.....57

Zhukova O.

About some issues of legal regulation of grant provision in the Tver region.....71

Maltseva A., Klyushnikova E., Popova O.

Current state and directions of improvement of language legislation in the republics of the Russian Federation.....77

Sladkova A.

Philosophical bases of formation and development of the Eurasian economic union in the light of the theory of communicative action of Jurgen Habermas.....86

Smirnov S.

Of the issue of the formation of education as a channel of vertical social mobility in the Russian Empire in 1801-1860: regulatory framework and operational practices.....95

Trofimets A.

Detection of crimes committed by using cryptocurrency (experience of the Kingdom of Spain).....104

Haritoshkin V.

On measures against cyber crime in international and russian criminal law.....111

Tribune young scientist

Gevorgyan M.

Intangible benefits the child as private and public legal phenomenon in the Russian Federation.....118

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.553 : 343.353

МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДЕПУТАТА, ЧЛЕНА ВЫБОРНОГО ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, ВЫБОРНОГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СЛУЧАЕ НЕИСПОЛНЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н. А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются особенности применения мер ответственности депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в случае неисполнения требований антикоррупционного законодательства в свете последних изменений, внесенных в закон о местном самоуправлении.

Ключевые слова: местное самоуправление, противодействие коррупции.

Процесс развития законодательства о противодействии коррупции, начавшийся с принятия в 2008 г. Закона о противодействии коррупции, продолжает развиваться в направлении определения мер ответственности лиц, наделенных властными полномочиями, в случаях неисполнения ими антикоррупционных требований.

С 6 августа 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и статью 13.1 Федерального закона “О противодействии коррупции”»¹ (далее – Федеральный закон № 228-ФЗ). Данный федеральный закон уточняет меры ответственности депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в случае несоблюдения ими ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, установленных в ряде ранее принятых федеральных законов. К таким законам относятся федеральные законы: от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 03.12.2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и

¹ Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и статью 13.1 Федерального закона “О противодействии коррупции”» // СПС «КонсультантПлюс».

от 07.05.2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

В связи с этим следует обратиться к исследованию ряда вопросов, решение которых необходимо для правоприменительной практики. Во-первых, кто является субъектом предусмотренной в новом законодательстве ответственности? Во-вторых, что представляют собой установленные меры ответственности? В-третьих, каким образом должен быть урегулирован порядок применения предусмотренных видов ответственности?

Задаваясь вопросом о субъектах такой ответственности, следует обратить внимание на тенденцию последних лет в развитии антикоррупционного законодательства, которая заключается в том, что требования антикоррупционного характера распространяются не только на государственных и муниципальных служащих, как это было в начале развития соответствующего законодательства, но и на лиц, которые наделены властными полномочиями и замещают те или иные государственные и муниципальные должности. Так, антикоррупционные требования были ранее предъявлены законодательством к судьям, прокурорам и иным должностным лицам. Нужно отметить, что это общемировая практика противодействия коррупции, когда антикоррупционные требования устанавливаются не только в отношении лиц, замещающих должности государственной или муниципальной службы, но и любого лица, наделенного властными полномочиями. При этом используется термин «публичная служба», интерпретируемый по-разному, но в целом сводящийся к тому, что под публичной службой понимается деятельность, реализуемая в рамках осуществления властных полномочий. В российском законодательстве не используется понятие публичной службы, однако стратегия противодействия коррупции определяет, что данная деятельность государства должна быть системной и направлена на предупреждение коррупции во всех сферах.

Федеральный закон № 228-ФЗ в число лиц, к которым могут быть применены меры ответственности, включает три категории: депутатов; членов выборных органов местного самоуправления; выборных должностных лиц. При этом основанием их ответственности по закону является предоставление недостоверных или неполных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, если искажение этих сведений является несущественным. В литературе, посвященной правовым аспектам противодействия

коррупции, высказана мысль о том, что «ключевым для эффективного действия антикоррупционного механизма контроля имущественного положения должностных лиц и членов их семей является вопрос об эффективности предложенных законодательством мер юридической ответственности должностных лиц за выявленные в результате контроля коррупционные правонарушения»². Действительно, важным является не сам перечень предлагаемых законодателем мер ответственности, а то, насколько они эффективно могут применяться на практике для предупреждения коррупционных правонарушений.

В связи с решением вопроса об эффективности вводимых законодателем мер ответственности обратимся к анализу этих мер. Итак, Федеральным законом № 228-ФЗ определены следующие меры ответственности для лица, замещающего муниципальную должность:

предупреждение;

освобождение от должности в представительном органе муниципального образования, выборном органе местного самоуправления с лишением права занимать должности в указанном органе до прекращения срока его полномочий;

освобождение от осуществления полномочий на постоянной основе с лишением права осуществлять полномочия на постоянной основе до прекращения срока его полномочий;

запрет занимать должности в представительном органе муниципального образования, выборном органе местного самоуправления до прекращения срока его полномочий;

запрет исполнять полномочия на постоянной основе до прекращения срока его полномочий.

Простой анализ представленных мер позволяет сделать вывод о том, что все меры, кроме, пожалуй, предупреждения, это меры, которые влекут достаточно серьезные последствия для депутата, члена выборного органа, выборного должностного лица местного самоуправления. Фактически во всех случаях (кроме предупреждения) речь идет о досрочном прекращении деятельности этих лиц, хотя законодатель называет эти меры мерами за несущественное искажение сведений о доходах и расходах.

² Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / отв. ред. проф. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. С. 257.

Перечень ситуаций, когда искажение сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера можно считать несущественными проступками, определен в Письме Министерства труда и социальной защиты РФ от 21 марта 2016 г. № 18-2/10/П-1526 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения»³. Исходя из указанного письма, такими несущественными искажениями сведений о доходах, расходах, обязательствах имущественного характера являются действия, как правило, совершенные не по умыслу и заключающиеся в неправильном заполнении соответствующих форм.

Но если мы сравним две такие меры ответственности депутата, выборного должностного лица, члена выборного органа местного самоуправления, которые теперь закреплены в Федеральном законе о местном самоуправлении, как «досрочное прекращение полномочий» (п. 10 ст. 40) и «освобождение от осуществления полномочий на постоянной основе с лишением права осуществлять полномочия на постоянной основе до прекращения срока его полномочий» (ч. 3 п. 7.3-1 ст. 40), то понимаем, что они по существу мало чем отличаются друг от друга. Тогда возникает вопрос: а зачем вводить меру ответственности, которая практически уже присутствует в законе и при этом предусматривать ее как альтернативную в случае, если будут допущены несущественные искажения сведений о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера? Ведь по сути депутата или выборного должностного лица в любом случае, если он допустил серьезный проступок или несущественное искажение сведений о доходах или расходах, привлекут к ответственности, которая будет выражаться в досрочном прекращении его полномочий. На практике это приведет к использованию в тех случаях, когда комиссия по разрешению конфликта интересов и соблюдению требований к служебному поведению выявит именно несущественное искажение сведений о доходах, расходах, только такой меры, как предупреждение.

Согласно п. 7.3-2 ст. 40 Федерального закона о местном самоуправлении порядок принятия решения о применении к депутату, члену выборного органа местного самоуправления, выборному должностному лицу местного самоуправления мер ответственности, указанных в части 7.3-1 той же статьи, определяется муниципальным правовым актом в соответствии с законом субъекта Российской Федерации.

³ Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 21 марта 2016 г. № 18-2/10/П-1526 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, законодатель расширил несколько правотворческую компетенцию органов местного самоуправления, наделив их правом принимать соответствующий акт, устанавливающий порядок применения данных мер. Но в то же время поставил перед ними ряд вопросов, в частности: кто должен принимать решение о применении указанных мер (поскольку в качестве субъектов ответственности выступают лица, занимающие в системе органов местного самоуправления разное положение, то однозначно этот вопрос не может быть решен)? Каким образом может быть обжаловано решение о применении таких мер? В муниципальном правовом акте должен быть решен вопрос и о критериях, определяющих несущественность искажения сведений о доходах и расходах. Все это предстоит сделать муниципальным образованиям.

Анализ новеллы законодательства о местном самоуправлении и противодействии коррупции показывает, что механизм ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения, выявленные в процессе осуществления имущественного контроля, требует дальнейшего совершенствования. Прежде всего это касается такой меры, как досрочное прекращение полномочий лиц, замещающих муниципальные должности. На наш взгляд, позиция законодателя не представляется сейчас достаточно четкой. Не определена граница между такими явлениями, как недостоверное декларирование доходов и расходов как коррупционное правонарушение и несущественное искажение сведений о доходах и расходах. Очевидно, что несущественное искажение сведений о доходах и расходах правонарушением считаться не может. Поэтому и меры, применяемые в этом случае, должны быть адекватными.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статью 13.1 Федерального закона «О противодействии коррупции»» // СПС КонсультантПлюс.

2. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 21 марта 2016 г. № 18-2/10/П-1526 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» // СПС КонсультантПлюс.

3. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом // отв. ред. проф. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. 568 с.

**MEASURES OF RESPONSIBILITY OF A DEPUTY, A MEMBER
OF AN ELECTED LOCAL SELF-GOVERNMENT BODY,
AN ELECTED OFFICIAL OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN CASE OF NON-COMPLIANCE WITH THE REQUIREMENTS
OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION**

N. A. Antonova
Tver State University

The features of application of measures of responsibility of the Deputy, the member of elected local government body, the elected official of local government in case of non-fulfillment of requirements of the anti-corruption legislation in the light of the last changes made to the law on local government are considered.

Keywords: *local self-government, anti-corruption.*

Об авторе

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: antonova.nana@list.ru

ANTONOVA Nana - the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the «Tver state university» (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Меры ответственности депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в случае неисполнения требований антикоррупционного законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 7 – 12.

УДК 342.721.6 – 053.5

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РЕБЕНКА НА ОБРАЗОВАНИЕ, СВЯЗАННЫЕ С МЕСТОМ ЕГО ПРОЖИВАНИЯ

Е. А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются такие аспекты конституционного права на образование ребенка, как доступность по территориальному признаку, влияние административного средства миграционного учета регистрации по месту пребывания и месту жительства на доступ к образовательной организации.

Ключевые слова: регистрация по месту пребывания и месту жительства, доступность образовательной организации, право ребенка на образование, зачисление в первый класс.

Вопрос о влиянии регистрации по месту пребывания и месту жительства, осуществляемой на основании закона «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»¹, на права ребенка неоднократно рассматривался в специальной литературе, а также привлекал внимание Конституционного Суда РФ. Авторами исследовалась правовая взаимосвязь регистрации ребенка по месту жительства и месту пребывания и возможности реализации ряда конституционных прав, например права на охрану здоровья и медицинскую помощь (существует такое понятие, как прикрепление к поликлинике по месту жительства), на образование². В ст. 2 закона РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в

¹ Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 03.04.2017 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

² Кожухова С. В. Проблемные вопросы правового характера, связанные с приемом детей, не имеющих регистрации по месту жительства, а также детей военнослужащих в общеобразовательные организации // Вестник Самар. гуманитар. академии. Сер. «Право». 2018. № 2 (21). С. 43 – 47; Рязанова Е.А. Влияние регистрации по месту пребывания и месту жительства на права несовершеннолетнего // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 4; Киселева Е. В., Осипова М.Н. Правозащитный подход к миграции на примере проблем реализации права на образование детьми-мигрантами без регистрации в РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 374 - 379.

пределах Российской Федерации»³ определено, что регистрация гражданина Российской Федерации по месту жительства – постановка гражданина Российской Федерации на регистрационный учет по месту жительства, то есть фиксация в установленном порядке органом регистрационного учета сведений о месте жительства гражданина Российской Федерации и о его нахождении в данном месте жительства. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»⁴ раскрывает конституционные положения ст. 43⁵, устанавливая не только общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях, но и соответствие его государственным образовательным стандартам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования⁶. Согласно п. 2 ст. 5 указанного закона, право на образование гарантируется в том числе и независимо от места жительства гражданина. Не только в ст. 67 закона об образовании в РФ, но и в подзаконных актах закрепляется, что «правила приема на обучение по основным общеобразовательным программам должны обеспечивать прием всех граждан, которые имеют право на получение общего образования соответствующего уровня, если иное не предусмотрено Федеральным законом»⁷. Ясность понимания того, что регистрация по месту жительства или пребывания не порождает правовых последствий, внесена Конституционным Судом РФ⁸. Суд разъяснил: во-первых, она – правовое средство государственного миграционного учета граждан; во-вторых, носит уведомительный характер и не служит иным целям; в-третьих, иное понимание

³ Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 03.04.2017 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

⁴ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012 г. № 53. Ст. 7598.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СПС «Гарант».

⁶ Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 01.05.2019 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

⁷ Приказ Минобрнауки России от 22.01.2014 № 32 «Об утверждении Порядка приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» (ред. от 17.01.2019) // РГ. 2014. № 83.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1998 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713» // СЗ РФ. 1998. № 6. Ст. 783.

регистрации приводит к чрезмерному ограничению прав и свобод граждан.

В самом «Порядке приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» указано, что правила приема в государственные и муниципальные образовательные организации на обучение по основным общеобразовательным программам должны обеспечивать прием в образовательную организацию граждан, имеющих право на получение общего образования соответствующего уровня и проживающих на территории, за которой закреплена указанная образовательная организация (п. 4). Формулировка нормы позволяет акцентировать внимание на гарантированную доступность образования именно для граждан, проживающих на закрепленной территории. С.В. Кожухова видит в этом определенное неравенство прав тех, кто не проживает на данной территории⁹.

Напротив, А.П. Бердашкевич, проанализировал не только международные параметры права на образование (это не только его наличие, т. е. физическая и экономическая доступность, но и его приемлемость, адаптируемость, осуществление в состоянии академической свободы, как для учителей, так и для учеников) и федеральные акты, но и нормативно-законодательную основу для реализации права на образование в субъекте РФ (на примере г. Москвы)¹⁰. Автор рассмотрел ситуацию, когда прокуратурой были обжалованы некоторые нормы законодательного акта г. Москвы. Несмотря на видимый первоочередной доступ к поступлению в первый класс, проживающих на закрепленной за школой территорией, был сделан вывод: право на образование не носит дискриминирующего характера, даже несмотря на наличие норм, закрепляющих условия поступления в школу детей в зависимости от проживания или не проживания на определенной территории. В исследовании прямо установлено, что право на образование не есть право поступления в определенную образовательную организацию. «Право на образование не есть право на поступление в конкретную школу»¹¹.

Если рассматривать с позиции доступности образования, выбранная не по месту жительства ребенка школа может, наоборот, создавать дополнительные затраты для получения образования (расходы на проезд, более длительное время на то, чтобы добраться до школы, что влечет в некоторых случаях уменьшение времени на сон, отдых ребенка

⁹ Кожухова С.В. Указ. соч. С. 43 – 47.

¹⁰ Бердашкевич А.П. Право на выбор школы // Народное образование. 2011. № 7. С. 18 – 23.

¹¹ Бердашкевич А.П. Указ. соч. С. 18, 21.

и т.п.). А с другой стороны, потенциал, который может быть получен в более «сильной» школе, вряд ли можно перевести в простые временные и финансовые затраты.

Для приема в образовательную организацию при зачислении в первый класс требуется предоставить оригинал свидетельства о рождении или документ, подтверждающий родство заявителя (законного представителя ребенка), и свидетельство о регистрации ребенка (иной документ, содержащий сведения о регистрации ребенка). Прием заявлений для граждан, проживающих на закрепленной территории, начинается не позднее 1 февраля и завершается не позднее 30 июня текущего года. Для детей, не проживающих на закрепленной территории, прием заявлений в первый класс начинается с 1 июля текущего года до момента заполнения свободных мест, но не позднее 5 сентября текущего года. Прием детей, не проживающих на закрепленной территории, может начаться раньше указанных сроков, если закончился прием детей, проживающих на закрепленной территории. При этом преимущественным правом обладают дети граждан, имеющих право на первоочередное предоставление места в ООД в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Итак, согласно п. 7 «Порядка приема граждан...» государственные и муниципальные образовательные организации размещают распорядительный акт о закрепленной территории. Данный акт о закреплении образовательных организаций за конкретными территориями муниципального района, городского округа должен быть издан не позднее 1 февраля текущего года. Помимо «Порядка приема граждан...», Минобрнауки¹² опубликовало письмо от 28.06.2012 г. № ИР-535/03 «О правилах приема в ОУ»¹³, в котором отмечено, что при получении общего образования должна быть обеспечена территориальная доступность образовательного учреждения для всех граждан, которые проживают на близлежащей территории и имеют право на получение образования соответствующего уровня. Разъяснение Министерства просвещения названных норм¹⁴ базируется на том, что, если родители «выбрали для ребенка школу в другом муниципалитете или регионе, их право на образование будет «несколько отсрочено»: они могут подать документы в любую школу

¹² Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2018 г. № 215 (ред. от 26.02.2019 г.) «О структуре федеральных органов исполнительной власти»// РГ. 2018. 15 мая.

¹³ Письмо Минобрнауки России от 28.06.2012 № ИР-535/03 «О правилах приема в ОУ» // Вестник образования. 2012. № 14.

¹⁴ Письмо Минпросвещения России от 22.01.2019 г. № 03-140 «О приеме в 1 класс» // Официальные документы в образовании. 2019. № 9.

независимо от регистрации после 1 августа. Дети без регистрации также будут приниматься в школу после 1 августа. При наличии свободных мест прием детей, не зарегистрированных на закрепленной территории, учреждения могут начинать до 1 августа, сразу после окончания приема в 1 класс всех детей, зарегистрированных на закрепленной территории (п. 16 «Порядка приема граждан...»).

Полагаем, использование термина «отсроченного права» вряд ли применимо в стране, где Основной закон содержит положения о высшей ценности прав и свобод человека, а право на образование приобретает особый статус, являясь не только правом, но и обязанностью.

Подтверждение факта проживания происходит путем предоставления свидетельства о регистрации (по формам № 3 либо № 8, определенным административным регламентом¹⁵) или иного документа, содержащего сведения о проживании ребенка. При этом не указано, какие документы могут быть предоставлены. Логично предположить, что за подтверждение может быть принята отметка в паспорте родителя места регистрации. Однако, при раздельном проживании родителей такая презумпция сомнительна, ведь ребенок фактически может проживать только с одним из родителей и по иному адресу.

Полагаем, что формально право ребенка на образование нарушается законодательными актами в сфере образования и сфере миграционного учета граждан. Однако нельзя отрицать, что это право связано с местом проживания (пребывания) ребенка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СПС «Гарант».
2. Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2018 г. № 215 (ред. от 26.02.2019 г.) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // РГ. 2018. 15 мая.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012 г. № 53. Ст. 7598.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 01.05.2019 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹⁵ Приказ ФМС России от 20 сентября 2007 г. № 208 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 03.04.2017 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

6. Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 03.04.2017 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

7. Приказ ФМС России от 20 сентября 2007 г. № 208 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Приказ Минобрнауки России от 22.01.2014 № 32 «Об утверждении Порядка приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» (ред. от 17.01.2019) // РГ. 2014. № 83.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1998 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713» // СЗ РФ. 1998. № 6. Ст. 783.

10. Письмо Минобрнауки России от 28.06.2012 № ИР-535/03 «О правилах приема в ОУ» // Вестник образования. 2012. № 14.

11. Письмо Минпросвещения России от 22.01.2019 г. № 03-140 «О приеме в 1 класс» // Официальные документы в образовании. 2019. № 9.

12. Бердашкевич А.П. Право на выбор школы // Народное образование. 2011. № 7. С. 18 – 23.

13. Киселева Е. В., Осипова М.Н. Правозащитный подход к миграции на примере проблем реализации права на образование детьми-мигрантами без регистрации в РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 374 - 379.

14. Кожухова С. В. Проблемные вопросы правового характера, связанные с приемом детей, не имеющих регистрации по месту жительства, а также детей военнослужащих в общеобразовательные организации // Вестник Самар. гуманитар. академии. Сер. «Право». 2018. № 2 (21). С. 43 – 47.

15. Рязанова Е.А. Влияние регистрации по месту пребывания и месту жительства на права несовершеннолетнего // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 164 – 171.

**SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION
OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF THE CHILD
ON EDUCATION RELATED TO THE PLACE
OF ITS ACCOMMODATION**

E. A. Ryazanova
Tver state University

The article discusses such aspects of the constitutional right to education of a child as accessibility on a territorial basis, the influence of the administrative means of migration registration at the place of stay and place of residence on access to an educational organization.

***Keywords:** registration at the place of stay and place of residence, accessibility of the educational organization, the child's right to education, enrollment in first grade.*

Об авторе

РЯЗАНОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: lena_7765@mail.ru

RYAZANOV Elena – PhD, assistant professor of the chair of constitutional, administrative and customs law of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d.33), e-mail: lena_7765@mail.ru

Рязанова Е.А. Некоторые аспекты реализации конституционного права ребенка на образование, связанные с местом его проживания // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 13 – 19.

УДК 346.2

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЯЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СФЕРЫ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА¹

А.Н. Сухарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

В статье разработаны и обоснованы предложения по развитию законодательства, направленного на повышение финансовой устойчивости управляющих организаций сферы жилищно-коммунального хозяйства. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-010-00090 «Исследование финансово-экономических аспектов деятельности управляющих компаний в сфере ЖКХ и разработка предложений по повышению их финансовой устойчивости».

***Ключевые слова:** управляющая организация, ресурсоснабжающая организация, многоквартирный дом, уставный капитал, жилищные платежи, коммунальные платежи, финансовый контроль, финансовая устойчивость.*

Особую проблему сегодня представляет неэффективность сферы жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) в России. Рост тарифов и платы за жилье не сопровождается должным повышением качества жилищно-коммунальных услуг. Рыночный механизм оказался неэффективным в ЖКХ. Внедрение конкуренции в сферу управления многоквартирными домами не обеспечивает снижения жилищно-коммунальных платежей, которые растут темпами, превышающими темпы роста инфляции. «Провалы» конкурентного механизма в ЖКХ требуют своего разрешения.

Сформировавшаяся система финансово-экономических отношений на основе существующего правового обеспечения деятельности не позволяет сформировать в отрасли управления многоквартирными домами экономически эффективных и финансово устойчивых институтов.

Решение проблемы финансовой неустойчивости управляющих компаний необходимо осуществить путем модернизации жилищного законодательства. В связи с этим представляется необходимым внести в жилищное законодательство следующие изменения.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00090 «Исследование финансово-экономических аспектов деятельности управляющих компаний в сфере ЖКХ и разработка предложений по повышению их финансовой устойчивости».

Первое – четкое законодательное разграничение ответственности ресурсоснабжающих и управляющих организаций. Несмотря на обилие правовых нормативных актов, которые должны урегулировать вопросы разграничения эксплуатационной ответственности между ресурсоснабжающими и управляющими организациями, на практике до сих пор элементы инфраструктуры централизованной подачи ресурсов находятся как бы не в чьей собственности. Ресурсоснабжающие организации осуществляют подачу ресурсов по ряду отрезков сетей, юридически им не принадлежащих. Обслуживание таких отрезков сетей (включая водонасосные станции, газораспределительные установки, трансформаторные подстанции) ресурсоснабжающие организации возлагают на управляющие организации, хотя они являются элементами централизованной системы подачи (отведения) ресурсов и без ресурсоснабжающей организации невозможно исполнить публичный договор перед абонентами. Ресурсоснабжающая организация является естественным монополистом и имеет статус гарантирующего поставщика.

Общий смысл федеральных законов о ресурсоснабжающих организациях состоит в том, что затраты на функционирование централизованных систем подачи (отведения) ресурсов должны покрываться за счет тарифа. Обычно такие системы находятся в собственности муниципального образования и передаются в аренду ресурсоснабжающей организации. Неэффективность естественных монополистов приводит к росту цен на ресурсы темпами, опережающими темпы инфляции. Принятие на обслуживание безхозных участков сетей повысит тарифы, это и приводит к нежеланию увеличивать еще больше бремя расходов ресурсоснабжающих организаций.

По мнению автора, в Российской Федерации необходимо унифицировать подходы в области разграничения ответственности между ресурсоснабжающими и управляющими организациями, введя единый стандарт (принципы). Это приведет к простоте и однозначности определения эксплуатационной и балансовой ответственности между организациями.

В Жилищный кодекс РФ² следует добавить статью (ряд статей), посвященную определению эксплуатационной ответственности управляющих организаций.

По сути, нормативно-правовые акты, упомянутые выше, исходят в целом из тех же подходов, но предоставляют некоторую варибельность

² Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 26.07.2019, с изм. от 10.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

и неоднозначность и поэтому часто на практике не применяются. В целях упорядочивания взаимоотношений между организациями сферы ЖКХ положения об эксплуатационной и балансовой ответственности следует ввести в Жилищный кодекс РФ как правовой акт более высокого уровня действия.

Второе – введение запрета использования управляющих организаций в качестве агентов ресурсоснабжающих организаций по сбору коммунальных платежей.

Выполнение управляющей организацией такого статуса приводит к ухудшению ее финансового состояния из-за неплатежей собственников помещений. Из-за таких неплатежей управляющая организация не может погасить свои обязательства за потребленные коммунальные ресурсы. Это приводит к росту как дебиторской (долг со стороны населения), так и кредиторской задолженности (задолженность перед ресурсоснабжающими организациями). Вместе с тем управляющая организация сознательно может задерживать перечисление собранных коммунальных платежей ресурсоснабжающим организациям, получая беспроцентный источник финансовых ресурсов.

Управляющая организация должна выполнять только функции в области обслуживания многоквартирного дома, предоставляя жилищные услуги, отказавшись от функции, по сути, финансового посредства, сбора коммунальных платежей. Введение юридического запрета на сбор коммунальных платежей повысит финансовую устойчивость управляющих организаций, а ресурсоснабжающие организации сами должны организовывать сбор коммунальных платежей, заключая в том числе соответствующие договоры со специализированными организациями.

Третье – законодательное установление минимальной величины уставного капитала и собственных средств управляющей организации. Недопустимо установление финансовой ответственности собственников управляющей компании крайне малой суммой, обычно в размере десяти тысяч рублей, внесенной в формирование уставного капитала³. Столь малая величина уставного капитала оказывается не соразмерной объемам хозяйственной деятельности, включая величины доходов, которые получает организация. Это является мощным фактором деформации финансово-экономического механизма в сфере управления многоквартирными домами в современной России⁴.

³ См.: Сухарев А.Н. Финансы управляющих компаний в сфере ЖКХ: проблемы и суждения // Финансы. 2017. № 5. С. 57 – 59.

⁴ См.: Сухарев А.Н., Голубев А.А., Карасева Л.А. Финансовый механизм управляющих организаций в сфере ЖКХ: проблемы деформации // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 5. С. 1063 – 1078.

Повышение требований к минимальной величине уставного капитала (или величине собственных средств) позволит: во-первых, привлечь в сферу ЖКХ дополнительные финансовые ресурсы; во-вторых, значительно повысит степень финансовой ответственности собственников управляющих компаний за некачественность и несвоевременность предоставления жилищных услуг; в-третьих, создаст большую финансовую прозрачность в отрасли.

Четвертое – установление в обязательном порядке для всех управляющих организаций требований к разработке финансовых планов деятельности на календарный год с разбивкой по месяцам. Введение в обязательном порядке системы финансового планирования позволит управляющим организациям оптимально и рационально использовать финансовые ресурсы в целях достижения поставленных целей. Финансовый план должен выступать основой обеспечения финансовой устойчивости.

В финансовом плане следует предусмотреть поступление доходов (с учетом процента их собираемости) и произведение расходов (с учетом их деления на условно-постоянные и условно-переменные) в целом по организации и в разрезе каждого многоквартирного дома, принятого управляющей организацией на обслуживание. Обязательным компонентом финансового плана должна стать плановая прибыль – легальный финансовый результат от хозяйственной деятельности и расчет рентабельности собственных средств. У каждой управляющей организации должно быть собственное и обоснованное видение будущего финансового результата. Получение управляющей компанией прибыли в легальной форме должно в определенной мере сдерживать собственников организации получать прибыль во внезаконной форме.

Пятое – усиление финансового контроля со стороны банков и Государственной жилищной инспекции за движением и расходованием средств управляющей организацией. Целью этого является недопущение вывода средств из управляющей организации путем заключения соответствующих договоров или завышения стоимости выполненных работ.

Подобный контроль сегодня создан в банковской сфере и в области жилищного строительства. В Жилищный кодекс РФ необходимо внести положения, усиливающие финансовый контроль банков за движением средств управляющих организаций. Представляется целесообразным организовать движение средств управляющей организации на счетах банка в разрезе разных субсчетов. Каждый субсчет должен открываться отдельному многоквартирному дому, а также для управляющей организации в целом. Расходование средств производить с учетом утвержденного финансового плана работы управляющей организации,

включающего в себя планируемые виды расходов (заработная плата руководителей, специалистов и рабочих, оплата аренды, приобретение расходных материалов и проч.).

Было бы целесообразно в Жилищный кодекс РФ добавить главу, регулиющую финансовые вопросы деятельности управляющих организаций. В Жилищном кодексе РФ следует ввести норму о необходимости для управляющих организаций поддерживать свою финансовую устойчивость с обозначением критериев такой устойчивости. Данная норма необходима вследствие де-факто массовой финансовой неустойчивости управляющих организаций. Управляющие организации ЖКХ в своей хозяйственной деятельности даже не стремятся обеспечить собственную финансовую устойчивость⁵. Это обусловлено, как было указано выше, деформацией финансово-экономического механизма в сфере ЖКХ, возникновением и превалированием внезаконной формы извлечения прибыли от хозяйственной деятельности по сравнению с возможностью извлекать ее в законной форме⁶.

Шестое – усиление финансовой ответственности руководителей и собственников управляющих организаций за потерю управляющей организацией финансовой устойчивости. При этом следует законодательно установить критерии финансово устойчивой управляющей организации, а также ввести ответственность для руководителей, которые допустили существенное ухудшение финансового состояния организации. Меры ответственности могут носить административный характер, включая наложение штрафа на руководителя и отстранение его от руководства организацией на определенный срок.

В Жилищном кодексе РФ следует ввести норму об отзыве у управляющей компании лицензии на право управления многоквартирными домами при существенном или значительном ухудшении ее финансового состояния или требовании для собственников увеличить собственные средства управляющей организации.

По мнению автора, является целесообразным введение нормы, в соответствии с которой собственники управляющих компаний автоматически несли бы субсидиарную ответственность. Учитывая неудовлетворительное финансовое состояние управляющих

⁵ См.: Сухарев А.Н., Голубев А.А., Карасева Л.А. Указ. соч. С. 1063 – 1078.

⁶ См.: Сухарев А.Н., Голубев А.А., Карасева Л.А. О финансовом положении и финансовых результатах деятельности управляющих компаний в сфере ЖКХ в современной России // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 8. С. 1799 – 1813.

организаций ЖКХ, следует повысить финансовую ответственность учредителей (участников) таких организаций.

Седьмое – разработка правовых мер по своевременному и полному взысканию задолженности по жилищным услугам. В свое время в Жилищный кодекс РФ были внесены изменения в части повышения финансовой ответственности за несвоевременную оплату жилищно-коммунальных услуг. Это предусматривает существенное увеличение пени за просрочку платежа. Однако эти меры до сих пор не способствуют полному или даже значительному сбору жилищно-коммунальных платежей. Управляющие организации затягивают обращение в суды по взысканию жилищных платежей.

Неплатежи за жилищно-коммунальные связаны со следующими обстоятельствами:

во-первых, экономией времени на произведение действий по оплате платежей. Это приводит к тому, что население начинает платить не за месяц, а за несколько месяцев;

во-вторых, подходам к необходимости оплаты жилищно-коммунальных платежей по остаточному принципу (денежные средства тратятся на иные нужды, а не на жилищно-коммунальные платежи);

в-третьих, отсутствием вообще денежных средств у определенной категории населения (долгое время не работающих, ведущих асоциальный образ жизни).

Из рассмотренных трех категорий неплательщиков реально возможно взыскать жилищные платежи у первых двух групп, а доля лиц, относящихся к третьей группе, крайне незначительна и может составлять не более 1 – 2%.

Законодательные меры, направленные на решение проблемы неплатежей за жилищно-коммунальные услуги, должны учитывать особенности всех вышепересмотренных трех категорий лиц, и они будут являться для каждой из данных групп специфичными. Достижение полноты уплаты жилищно-коммунальных платежей – сложная проблема. В сфере управления многоквартирными домами следует исходить из того, что достижение уплаты жилищно-коммунальных платежей на уровне 99% является приемлемым показателем.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что качественные жилищные услуги могут предоставлять экономически эффективные и финансово устойчивые управляющие организации. Сегодня на рынке управления многоквартирными домами стихийно сформировалась такая система экономических отношений, которая приводит к деформации финансово-экономического механизма управляющих компаний ЖКХ. В целях преодоления этого необходимо внесение в жилищное законодательство Российской Федерации ряда

системно-значимых положений, направленных на формирование финансово устойчивых организационных структур.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть I. от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 03.07.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 26.07.2019, с изм. от 10.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Сухарев А.Н., Голубев А.А., Карасева Л.А. Финансовый механизм управляющих организаций в сфере ЖКХ: проблемы деформации // *Финансы и кредит*. 2018. Т. 24, № 5. С. 1063 – 1078.
4. Сухарев А.Н., Голубев А.А., Карасева Л.А. О финансовом положении и финансовых результатах деятельности управляющих компаний в сфере ЖКХ в современной России // *Финансы и кредит*. 2018. Т. 24, № 8. С. 1799 – 1813.
5. Сухарев А.Н. Финансы управляющих компаний в сфере ЖКХ: проблемы и суждения // *Финансы*. 2017. № 5. С. 57 – 59.

PROPOSALS TO MODERNISE THE LEGISLATION GOVERNING THE ECONOMIC AND FINANCIAL ASPECTS OF MANAGING ORGANIZATIONS OF HOUSING AND UTILITIES SECTOR

A. N. Sukharev

Tver State University

The article developed and justified proposals for the development of legislation aimed at improving the financial stability of management organizations in the housing sector. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for basic research in the framework of scientific project № 18-010-00090 "Study of financial and economic aspects of management companies in the field of housing and communal services and development of proposals to improve their financial stability".

Keywords: *management organization, the supplier and the organization, multi-family house, authorized capital, housing payments, utility payments, financial control, financial stability.*

Об авторе

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права Тверского государственного университета, e-mail: su500005@yandex.ru.

SUCHAREV Alexander – Doctor of Economics, professor of constitutional, administrative and customs law Tver State University, e-mail: su500005@yandex.ru.

Сухарев А.Н. Предложения по модернизации законодательства, регулирующего финансово-экономические аспекты деятельности управляющих организаций сферы жилищно-коммунального хозяйства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 20 – 27.

УДК 347.925

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРИНЦИПЫ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ГЛАВЫ 14.1. ГПК РФ)

А. С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена изучению условий осуществления примирительной процедуры в гражданском процессе, определению активной роли суда в оказании содействия сторонам в примирении, выявлению сущности, значения, своеобразия реализации принципов примирительных процедур, их соотношения с некоторыми принципами гражданского процесса.

***Ключевые слова:** принципы, примирительная процедура, гражданский процесс.*

В Гражданском процессуальном кодексе (далее – ГПК РФ) на основании Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введена гл. 14.1. Примирительные процедуры. Мирное соглашение¹. Из Пояснительной записки к проекту данного закона следует, что в российском обществе существует высокая потребность в доступных и эффективных механизмах урегулирования споров, которые будут способствовать не только повышению качества правосудия за счет оптимизации судебной нагрузки, но и в первую очередь снижению конфликтности, укреплению социальных и деловых связей, становлению и развитию партнерских отношений, формированию уважительного отношения к закону, а также повышению правосознания и социальной активности².

С момента введения в действие данной главы (25 октября 2019 г.) сторонам в гражданском процессе, а с учетом ст. 153.8 ГПК РФ и третьим лицам предоставляется возможность реализовать конституционное право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45 Конституции РФ).

На необходимость содействовать примирению сторон на стадии производства по делу в целях сокращения количества рассматриваемых судами дел и улучшения качества отправления правосудия за счет освобождения судов от необходимости рассмотрения бесспорных дел

¹ Российская газета. 2019. 31 июля.

² Из Пояснительной записки к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур». URL: <http://www.supcourt.ru/files/26356/>

указано в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (86) 12 о мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды, принятой еще в 1986 г.³

Комитетом министров предложено в качестве одной из основных задач возложить на судей обязанность добиваться примирения сторон и заключения мирового соглашения по всем соответствующим вопросам на любой стадии производства по делу⁴. В полном соответствии с данной рекомендацией примирение сторон в гражданском процессе возможно на любой его стадии и при исполнении судебного акта, если иное не предусмотрено ГПК РФ и не противоречит федеральному закону (ч. 4 ст. 153.1 ГПК РФ). Суд содействует примирению сторон, принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения и т.д. (ч. 3 ст. 153.1 ГПК РФ). От того, насколько качественным будет содействие суда примирению сторон, насколько подробно и четко будут им разъяснены условия и порядок реализации данного права, существо и преимущества примирительных процедур, во многом будет зависеть действительное устремление сторон к мирному урегулированию спора, а также эффективность применения примирительных процедур в гражданском процессе в целом. Суд предлагает провести примирительную процедуру в определении о принятии искового заявления (заявления) к производству, о подготовке дела к судебному разбирательству или в ином определении по делу, а также может быть сделано судом в устной форме (ст. 153.2 ГПК РФ). Для рассмотрения сторонами возможности использования примирительной процедуры суд может объявить перерыв в судебном заседании.

В целях примирения сторон суд откладывает судебное разбирательство по делу в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством, предлагая сторонам использовать примирительную процедуру, в том числе с участием судебного примирителя (ч. 2 ст. 153.2 ГПК РФ).

Результат урегулирования спора сторонами исключает необходимость его рассмотрения и разрешения судом по всем правилам

³ Рекомендация № R (86) 12 Комитета министров Совета Европы «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды» (Вместе с «Примерами не относящихся к судопроизводству вопросов, от решения которых должны быть избавлены судьи в некоторых странах, с учетом конкретных особенностей каждой страны» (Принята 16.09.1986 на 399 заседании представителей министров). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=23533#09627591592101368>

⁴ Добавление № R (81) 7 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию (14 мая 1981 г.). URL: <http://base.garant.ru/2541415/>

гражданской процессуальной формы. Однако, откладывая судебное разбирательство по делу, суд не принуждает стороны к примирению, а лишь предлагает им попытаться урегулировать спор самим, оценить все положительные стороны данного способа. В случае недостижения согласия по спорным вопросам, истечения срока проведения примирительных процедур рассмотрение дела судом, как указано в ч. 5 комментируемой статьи, будет возобновлено и результат разрешения спора будет зависеть от суда (ч. 5 ст. 153.2, ст. 153.7 ГПК РФ). Возобновление производства по делу – процессуальное действие, возможное в гражданском процессе после устранения обстоятельств, вызвавших приостановление производства по делу (ст. 219 ГПК РФ). Важно различать отложение и приостановление производства по делу, поскольку данные виды временной остановки судебного разбирательства влекут различные процессуальные последствия, например, в отношении исчисления процессуальных сроков.

В отличие от судебного порядка разрешения гражданско-правовых споров примирительные процедуры относятся к внеюрисдикционным формам их урегулирования, деятельность и технологии которых строятся по определенным правилам.

Как указано в ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ, примирение сторон осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности. При этом добровольность, сотрудничество сторон и конфиденциальность не являются принципами гражданского процесса (глава 1 ГПК РФ. Основные положения). Будучи несудебными принципами, данные принципы примирительных процедур реализуются вне сферы гражданского судопроизводства, поэтому размещение статьи о них в ГПК РФ не уместно.

При этом примирительные процедуры, взаимодействующие с гражданским судопроизводством, безусловно должны быть подчинены принципам гражданского процесса, процессуальной формы. Однако при сопоставлении принципов гражданского процесса и принципов, лежащих в основе применения примирительных процедур, обнаруживается их диаметрально противоположность. Например, принципу гласности гражданского процесса «противопоставлен» принцип конфиденциальности, используемый, по общему правилу, в медиации, судебном примирении, третейском разбирательстве, посредничестве и др. Есть опасения, что это может привести к снижению уровня гарантий реализации права на судебную защиту, вследствие того, что для основного числа подсудных судам гражданско-правовых споров будут предложены примирительные процедуры без тех гарантий, которые характерны для полноценной судебной защиты.

Принцип добровольности примирительной процедуры заключается прежде всего в том, что она может быть инициирована сторонами или проводиться по предложению судьи. Главным критерием для выбора способа разрешения спора выступает добровольное волеизъявление сторон спора участвовать в несудебных процедурах урегулирования споров (ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ).

Проведение примирительной процедуры в обязательном порядке законом не предусматривается (ч. 1 ст. 153.2 ГПК РФ). Оговориться следует только о переговорах, которые, как указано в ч. 3 ст. 153.4 ГПК РФ, в случаях, предусмотренных федеральным законом или договором, проводятся в обязательном порядке.

В ряде зарубежных стран (например, в Словении) обязательный характер носит процедура судебной медиации (примирения), ее проведение может быть предписано судьей. В некоторых странах (например, в Великобритании) существует практика, согласно которой, если сторона отказывается от предложенной судом медиации, то она несет все судебные расходы другой стороны, даже выиграв спор.

Оправданно, что в России по гражданско-правовым спорам нет обязательного порядка осуществления по ним примирительной процедуры, поскольку сложно выделить какую-то их группу, по которым применение примирительных процедур являлось бы эффективным. При прогнозировании результата примирительной процедуры надлежит учитывать природу отношений, из которых возник спор, наличие у сторон информации друг о друге и процессуальных позициях по делу. Требуют учета и некоторые свойства человеческого поведения. Использование примирительных процедур окажется действенным при разрешении споров в тех общественных отношениях, в которых наравне с правовыми существенное значение имеют иные неправовые факторы, например психо-эмоциональные. Такая особенность дает перспективу широкого использования примирительных процедур при разрешении брачно-семейных споров. Кроме того, неправовая составляющая как существенный фактор для использования примирительных процедур может возникнуть в абсолютно любом споре: об аренде квартиры, о поставке товара, о залоге и т.д.

В гражданской процессуальной форме заложены возможности для участников процесса по осуществлению процессуальных прав. Договорные начала гражданского процесса выступают основой для реализации принципа сотрудничества примирительных процедур. Данный принцип предполагает плодотворное взаимодействие субъектов урегулирования спора в ходе осуществления примирительной

процедуры, нацеленность их деятельности на достижение ее результатов (ст. 157.7 ГПК РФ).

Совершаемые совместно процессуальные действия сторон в гражданском процессе по конкретному делу позволяют повысить эффективность судебной защиты и снизить издержки судебного разбирательства.

В качестве одного из базовых принципов примирительных процедур закон выделяет принцип конфиденциальности (ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ). Но в рамках процедуры медиации стороны могут отказаться от конфиденциальности, зафиксировав данную договоренность, например, в соглашении о проведении процедуры медиации (ст. 5 ФЗ от 27.07.2010 № 193-ФЗ)⁵.

Данные, которые станут известны сторонам, посреднику (медиатору, судебному примирителю) при осуществлении примирительной процедуры, являются конфиденциальными, например: о предложении одной из сторон о применении процедуры медиации, равно как и готовности одной из сторон к участию в проведении данной процедуры; о мнениях или предложениях, высказанных одной из сторон в отношении возможности урегулирования спора; о признаниях, сделанных одной из сторон в ходе проведения процедуры медиации; о готовности одной из сторон принять предложение медиатора или другой стороны об урегулировании спора.

Если примирительная процедура проходит благополучно и стороны приходят к взаимовыгодному соглашению, то вопросов, связанных с реализацией принципа конфиденциальности, не возникает. Вопросы возникнут в случаях, когда результаты примирительной процедуры не достигнуты, спор становится предметом рассмотрения в суде и стороны захотят использовать информацию, ставшую им известной при осуществлении примирительной процедуры. В науке гражданского процессуального права уже выявлено влияние соглашений о конфиденциальности в примирительной процедуре на допустимость доказательств⁶.

Гарантией конфиденциальности в осуществлении примирительных процедур служит распространение свидетельского иммунитета на

⁵ Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // РГ. 2010. 30 июля.

⁶ См.: Стенограмма V Ежегодного симпозиума журнала «Вестник гражданского процесса» «2018 – Доказательственное право в цивилистическом процессе: современное состояние и перспективы развития» // Вест. гражд. процесса. 2019. № 1. С. 199; Шеменова О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 122.

медиаторов, судебных примирителей (п. 1 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ). Все, что сторонам, посредникам становится известно в связи с осуществлением примирительной процедуры, относится к конфиденциальной информации (если в медиации стороны не пришли к иной договорённости). Мировой судья, судья не может рассматривать дело, по которому он выступал в качестве судебного примирителя, и подлежит отводу (ч. 3 ст. 14, п. 1.1 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ). Во всех этих случаях действует принцип конфиденциальности (ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ).

В связи с конфиденциальностью примирительных процедур нельзя не отметить серьезные опасения, связанные с существованием законности и правосудия в целом⁷. Так, любое решение, вынесенное в рамках примирительных процедур, в отличие от судебного решения, лишено значения общеобязательности, информация, нередко негативная, о нем недоступна для лиц, не участвовавших в споре. Достигнутое в примирительной процедуре решение урегулирует спор между сторонами и не более. Судебное решение как результат осуществления правосудия выполняет более широкие функции, связанные с реализацией задач гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ).

По сравнению с устремлением судов к единообразию судебной практики по разрешению однотипных гражданско-правовых споров, в сфере примирительных процедур высокой представляется вероятность принятия противоречащих друг другу решений по схожим вопросам, что негативно может отразиться на правопорядке в целом.

Принцип равноправия ввиду общей процессуальной направленности совпадает по наименованию с одноименным принципом гражданского процесса, но существенно отличается по своему содержанию. Как указано в ч. 3 ст. 153.1 ГПК РФ стороны пользуются равными правами на выбор примирительной процедуры, определение условий ее проведения, а также кандидатуры посредника, в том числе медиатора, судебного примирителя. По указанным вопросам сторонами может быть заключено соглашение.

Стороны могут выбрать любой вид примирительной процедуры, из числа указанных в ст. 153.3 ГПК РФ: переговоры, посредничество, в том числе медиацию, судебное примирение, или использовать другие примирительные процедуры, если это не противоречит федеральному закону. Стороны не ограничены в выборе посредника и могут

⁷ См. по данному поводу: Стрельцова Е.Г. Приватизация правосудия // Вест. Граждан. процесса. 2018. № 2. С. 47 – 81.

прибегнуть к услугам медиатора либо избрать судебного примирителя, который утверждается судом.

Примирительные процедуры могут проводиться без судьи, а также при активном участии суда. Именно такой характер носит институт судебного примирения, который широко используется в различных странах (в частности, в Республике Беларусь, Республике Казахстан, Словении, Германии, Королевстве Нидерландов, Канаде и др.). Однако несмотря на терминологию в судебном примирении, закрепленном в ст. 153.6 ГПК, нет процессуальных отношений. Судебный примиритель не является участником судебного разбирательства и не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников процесса (ч. 5 ст. 153.6 ГПК).

Принцип равноправия в примирительной процедуре не ограничивается равенством только сторон спора, но и дополняется специфическим положением лица (лиц), содействующего урегулированию спора. Это лицо участвует в отношениях по применению примирительных процедур как равноправный субъект, поскольку вместе со сторонами спора определяет порядок и условия его урегулирования.

Эффективность применения мирного урегулирования споров в гражданском процессе зависит не только от своевременного его провозглашения в качестве задачи гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ), но и закрепления соответствующих условий и достаточных средств ее реализации, которые в конечном счете будут иметь положительное значение как для участников гражданского процесса, так и для оптимизации судопроизводства в целом (п. 5 ч. 1 ст. 150, гл. 14.1 ГПК РФ. Примирительные процедуры).

Кроме того, развитие и придание значимости мирному урегулированию споров в гражданском судопроизводстве России обеспечит его соответствие международно-правовым стандартам осуществления правосудия по гражданским делам.

Список литературы

1. Рекомендация № R (86) 12 Комитета министров Совета Европы «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на судьи» (Вместе с «Примерами не относящихся к судопроизводству вопросов, от решения которых должны быть избавлены судьи в некоторых странах, с учетом конкретных особенностей каждой страны». (Принята 16.09.1986 на 399-ом заседании представителей министров). URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=23533#09627591592101368>

2. Добавление № R (81) 7 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию (14 мая 1981 г.). URL: <http://base.garant.ru/2541415/>

3. Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // РГ. 2019. 31 июля.

4. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // РГ. 2010. 30 июля.

5. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур». URL: <http://www.supcourt.ru/files/26356/>

6. Стенограмма V Ежегодного симпозиума журнала «Вестник гражданского процесса» «2018 – Доказательственное право в цивилистическом процессе: современное состояние и перспективы развития» // Вест. гражд. процесса. 2019. № 1.

7. Стрельцова Е.Г. Приватизация правосудия // Вест. гражд. процесса. 2018. № 2.

8. Шеменова О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2017.

LEGAL REGULATION AND PRINCIPLES OF CONCILIATION PROCEDURES (BASED ON THE ANALYSIS OF CHAPTER 14.1. CODE OF CIVIL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

A. S. Fedina
Tver State University

The article is devoted to studying the conditions for the implementation of the conciliation procedure in the civil process, determining the active role of the court in assisting the parties in reconciliation, identifying the nature, significance, identity of the implementation of the principles of conciliation procedures, their relationship with some principles of the civil process.

Keywords: *principles, conciliation procedure, civil process.*

Об авторе

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170021, г. Тверь, ул. 2-ая Грибоедова, д. 22), e-mail: as.fedina@mail.ru

FEDINA Angelica - PhD, assistant professor of civil procedure and law enforcement Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: as.fedina@mail.ru

Федина А.С. Правовое регулирование и принципы примирительных процедур (на основе анализа главы 14.1. ГПК РФ) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 28 – 36.

УДК 343.83:343.9

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

О. К. Хотькина

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

Статья посвящена изучению особенностей коррупционных проявлений в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. В результате исследования были определены признаки коррупционных проявлений, выделены причины и условия, способствующие совершению коррупционных преступлений, определены пути совершенствования полномочий по противодействию коррупции в учреждениях и органах УИС.

***Ключевые слова:** коррупция, охват коррупции, риск коррупции, эффективность мероприятий по противодействию коррупции.*

Задачи противодействия коррупции и их социальная значимость ставят перед учеными и практиками-правоприменителями новые вопросы, требующие глубокого исследования и оперативного реагирования¹.

В целях определения мнения практических сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) по вопросам коррупционных проявлений в УИС, а именно понимания сотрудниками сущности коррупции, ее причин и условий, оценки эффективности мер противодействия коррупции, в 2018 г. по специально разработанной анкете было опрошено порядка 100 сотрудников учреждений и органов ФСИН России.

Цель исследования – изучение состояния коррупции в профессиональной деятельности сотрудников УИС.

Основными задачами проведения исследования являются:

- выявление и анализ причин и условий, способствовавших ненадлежащему исполнению должностных полномочий;
- выявление факторов, благоприятствующих коррупции;
- выработка мер по минимизации коррупционных рисков либо их устранению в деятельности должностных лиц.

Предмет исследования – коррупционные проявления в уголовно-исполнительной системе.

Основными методами проведения исследования явились: анализ документов (в том числе должностных инструкций сотрудников исправительных учреждений); проведение социологических

¹ Моисеев В.В. Борьба с коррупцией в России: монография, М., 2014. С. 19 - 20.

исследований (анкетирование) среди сотрудников исправительных учреждений в целях выявления коррупциогенных факторов в профессиональной деятельности.

По итогам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Анализ анкет показал, что большинство респондентов под коррупцией понимают взяточничество. Так, на вопрос: «Что такое коррупция?» – наиболее распространенными ответами среди опрошенных стали:

получение взятки – 65,7 %;

дача взятки – 55,0 %;

содействие в получении (даче взятки) – 47,2 %;

использование служебного положения в личных целях – 58,4 %.

В настоящее время сотрудники УИС стали более осведомлены о проблемах коррупции. Большинство респондентов занимают активную позицию в борьбе с данным явлением и считают это серьезной проблемой. Так, 71,0 % опрошенных считают проблему коррупции в УИС серьезной. Практически половина респондентов (47,2 %) воспринимают ее категорически отрицательно, 35,4 % считают, что ее нужно избегать, 10,6 % придерживаются аналогичного мнения, но при этом полагают, что на решение вопросов уйдет гораздо больше времени и сил, и 6,8 % принимают коррупцию как часть современной жизни.

Результаты анкетирования показали, что основными источниками информации о коррупции служат сообщения СМИ (48,7 %) и служебная информация (35,3 %).

Большинство респондентов не сталкивались с коррупционными проявлениями ни в своей жизни (64,5 %), ни в ходе служебной деятельности (84,1 %).

Основными причинами коррупции в УИС, по данным анкетирования, являются: безнаказанность коррупционеров; отсутствие жестких мер по отношению к коррупционерам (36,1 %); низкий уровень денежного довольствия (зарботной платы) (34,9 %); моральная деградация; низкий образовательный и культурный уровень сотрудников УИС (23,8 %).

В целях определения путей совершенствования полномочий по противодействию коррупции в учреждениях и органах УИС, опрашиваемым сотрудникам было предложено 10 мер антикоррупционного характера, которые при внедрении в деятельность УИС могли бы, по мнению опрашиваемых, дать наибольший эффект. Предлагалось оценить указанные меры по 10-балльной шкале от 1

(наибольший предполагаемый эффект) до 10 (наименьший эффект). В результате меры были расположены следующим образом:

№ п/п	Меры антикоррупционного характера	Ранг меры (средний балл)
1	Повышение денежного довольствия служащих УИС	3,18
2	Создание подразделений по противодействию коррупции в составе кадровых служб	4,35
3	Применение технических средств контроля (аудио-, видеозапись и т. д.)	4,4
4	Проведение информационно-воспитательной работы	4,8
5	Качественный профессионально-психологический отбор кандидатов на службу	5,19
6	Нематериальная мотивация служащих (поощрения, награды за недопущение коррупционных нарушений)	5,5
7	Усиление контроля за доходами, имуществом и расходами сотрудников и членов их семей	5,84
8	Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов	5,9
9	Детальная регламентация исполнения полномочий должностным лицом	6,55
10	Установление показателей эффективности деятельности государственных служащих	7,75

Причинами, влияющими на повышение уровня коррупции среди сотрудников УИС, респонденты назвали:

- слабые морально-этические качества личности сотрудников – 59,8 %;
- низкий уровень доходов сотрудников – 45,3 %;
- слабая психологическая устойчивость личности сотрудников – 42,7 %.

Анализ полученных результатов анкетирования приводит к выводу о том, что сотрудники-коррупционеры по глубине и устойчивости криминогенной мотивации, соответствующим свойствам личности, могут подразделяться на два типа – устойчивые (злостные) и неустойчивые. «Злостные» чаще всего характеризуются индивидуализмом, правовым нигилизмом (зачастую при хорошем знании законодательства), пренебрежением к моральным ценностям, нечестностью, стремлением к незаконному обогащению. Служба рассматривается данными сотрудниками в основном как средство извлечения личных выгод.

Коррупционеры неустойчивого типа, как правило, характеризуются молодым возрастом и совершением коррупционных правонарушений под воздействием других лиц – осужденных, их родственников и

знакомых либо коррупционеров злостного типа. «Неустойчивым» коррупционерам присущи такие личные качества, как правовое невежество, недостаточное знание своих прав и служебных обязанностей, правовых последствий их неисполнения.

Соответственно меры по противодействию коррупции в отношении различных типов сотрудников-коррупционеров должны дифференцироваться. Если по отношению к коррупционерам устойчивого типа противодействие коррупции должно проявляться прежде всего в деятельности подразделений собственной безопасности – строгом контроле (в том числе негласными методами) за повседневной служебной деятельностью и связями, в проведении оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления и документирования преступлений коррупционного характера, то по отношению к сотрудникам «неустойчивого» типа – в мероприятиях информационного и воспитательного характера, приведении конкретных примеров разоблачения и наказания сотрудников, совершивших коррупционные преступления, проведении тренингов, иных занятий по формированию устойчивости к склонению к коррупционным правонарушениям. Значительная доля полномочий по профилактической работе с такого рода сотрудниками должна возлагаться на подразделения кадровой службы, в частности – на действующие в их составе подразделения по работе с личным составом².

Таким образом, результаты проведенного исследования доказали, что подавляющее большинство сотрудников УИС знают основные положения антикоррупционного законодательства.

Сегодня в сфере противодействия коррупции мобилизованы все государственные институты и силы общества. В этих условиях осознание и исследование проблем борьбы с коррупцией в УИС являются достаточно значимыми. Вследствие этого проведение единой антикоррупционной политики в УИС необходимо осуществлять на всех уровнях и по всем направлениям прохождения службы в учреждениях и органах ФСИН России. Такой единый подход требует применения методов, носящих многовекторный характер. К их числу следует относить совершенствование законодательной политики государства в аспекте противодействия коррупции, вовлечение в борьбу с ней не только всех сотрудников УИС, но и их родственников, лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, сотрудников

² Везломцев В.Е., Хотькина О.К. Противодействие коррупции в уголовно-исполнительной системе России: личностный аспект: учеб. пособие М.: Проспект, 2017. С. 26 - 28.

правоохранительных органов иных ведомств, а также широкого круга активных граждан нашей страны.

Список литературы

1. Везломцев В.Е., Хотькина О.К. Противодействие коррупции в уголовно-исполнительной системе России: личностный аспект: учеб. пособие М.: Проспект, 2017.
2. Моисеев В.В. Борьба с коррупцией в России: монография, М., 2014.

DISTINCTIVE FEATURES OF CORRUPTION MANIFESTATIONS IN THE PENAL CORRECTION SYSTEM

O. K. Khotkina

Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia

The article is devoted to the study of the features of corruption manifestations in the activities of employees of the penal system. The study has identified signs of corruption, the causes and conditions conducive to corruption offenses, identify ways to improve the powers to combat corruption in the institutions and bodies of the penal correctional system.

Keywords: *corruption, corruption coverage, corruption risk, effectiveness of anti-corruption measures.*

Об авторе

ХОТЬКИНА Ольга Константиновна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1), e-mail: O_Khotkina@mail.ru

KHOTKINA Olga - PhD, the senior teacher of department of criminology and crime prevention organization The Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (390000, Ryazan, Sennaya street, 1), e-mail: O_Khotkina@mail.ru.

Хотькина О.К. Отличительные особенности коррупционных проявлений в уголовно-исполнительной системе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 37 – 41.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 348.717

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу правового регулирования миссионерской деятельности в Российской Федерации; в результате анализа материалов судебной практики выявляются проблемы в сфере законодательного регулирования рассматриваемой сферы общественной жизни.

***Ключевые слова:** миссионерская деятельность, свобода совести и вероисповедания, религиозный обряд, административная ответственность.*

Последние несколько лет религиозная тематика и вопросы обеспечения религиозной безопасности поднимаются достаточно часто. Законодательные новеллы, принимаемые с целью повышения уровня правовой защищенности граждан в сфере религиозных и вероисповедных правоотношений, принимаются обществом неоднозначно и вызывают активные дискуссии. Одним из дискуссионных вопросов является правовая регламентация осуществления миссионерской деятельности.

Федеральным законом от 06.07.2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»¹ в Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ “О свободе совести и религиозных объединениях”² (далее – Закон «О свободе совести...») введена гл. III.1, закрепляющая правовое регулирование осуществления миссионерской деятельности. Так, в ст. 24.1. Закона «О свободе совести...» закреплено понятие миссионерской деятельности – это «деятельность религиозного

¹ Федеральный закон от 06.07.2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (в действующей редакции) «О свободе совести и религиозных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс».

объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами».

Изменение Закона «О свободе совести...» в части корректировки положений о миссионерской деятельности направлено на устранение вопросов и противоречий при квалификации определенных действий религиозного характера, в том числе при решении вопроса о допустимости и легальности той или иной деятельности в целях обеспечения защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства в целом в сфере религиозных и межконфессиональных правоотношений. Однако, несмотря на правовую регламентацию, на практике возникают вопросы, требующие дополнительных разъяснений, осуществление миссионерской деятельности достаточно часто становится предметом судебных разбирательств, что свидетельствует о неоднозначности закрепленных правовых дефиниций.

За нарушение положений Закона «О свободе совести...» Кодексом РФ об административных правонарушениях³ предусмотрена ответственность по ст. 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях», по которой могут быть привлечены к административной ответственности как граждане РФ, так и иностранные граждане и лица без гражданства. Пункт 4 указанной статьи предусматривает ответственность за осуществление миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях. При квалификации действий представителей религиозных объединений возникает необходимость в определении состава миссионерской деятельности, т.е. соотнесение реальной деятельности и закрепленных правовых дефиниций.

Конституционный Суд РФ в Определении от 13.03.2018 г. № 579-О⁴ достаточно подробно исследовал вопрос о понятии миссионерской

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 г. № 579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 24.1, п. 2 ст. 24.2 Федерального закона

деятельности. В частности, Конституционный Суд РФ указал, что «под миссионерской деятельностью религиозного объединения применительно к отношениям, регулируемым Федеральным законом “О свободе совести и о религиозных объединениях”, понимается деятельность, которая, во-первых, осуществляется особым кругом лиц (религиозное объединение, его участники, иные граждане и юридические лица в установленном порядке), во-вторых, направлена на распространение информации о своем вероучении (его религиозных постулатах) среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в-третьих, имеет целью вовлечение названных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения посредством обращения к их сознанию, воле, чувствам, в том числе путем раскрытия лицом, осуществляющим миссионерскую деятельность, собственных религиозных воззрений и убеждений. Системообразующим признаком миссионерской деятельности при этом является именно распространение гражданами, их объединениями информации о конкретном религиозном вероучении среди лиц, которые, не будучи его последователями, вовлекаются в их число, в том числе в качестве участников конкретных религиозных объединений».

Таким образом, деятельность религиозного объединения может быть признана миссионерской только при наличии перечисленных признаков.

Кроме того, суд специально обратил внимание правоприменителей на необходимость проведения религиоведческой экспертизы при рассмотрении и разрешении подобной категории дел. Религиоведческая экспертиза требуется в данном случае, поскольку, как и подавляющее число наших современников, российские судьи имеют крайне ограниченные знания в области религиоведения и его базовых понятий. Данная сфера, как известно, детально не регламентируется правовыми нормами, и вопросы религиозного характера, особенно в части определения правового значения тех или иных действий, требуют специальных знаний в этой области.

В качестве одного из примеров судебных дел, связанных с привлечением к административной ответственности за незаконное осуществление миссионерской деятельности, можно привести судебное разбирательство по делу об обжаловании решений о привлечении к административной ответственности гражданина Индии Мани Викторимманувела. Согласно Постановлению Верховного Суда РФ от

«О свободе совести и о религиозных объединениях» и ч. 4 ст. 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс».

17.11.2017 г. № 11-АД17-44⁵, при оценке состава административного правонарушения суды должны комплексно оценивать все обстоятельства и признаки миссионерской деятельности, перечисленные в ст. 24.1 ФЗ «О свободе совести...». В частности, подлежат установлению следующие обстоятельства.

1. Способ распространения информации среди граждан, не являющихся членами религиозного объединения. Способ распространения информации о вероучении является самым дискуссионным вопросом и вызывает массу проблем в правоприменении. Согласно легальному определению миссионерской деятельности, информация о вероучении может распространяться публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами.

Предметом судебных разбирательств, явившихся основанием для рассмотренного выше обращения заявителя в Конституционный Суд РФ, явилось размещение им приглашения на богослужение на его персональной интернет-странице в социальной сети «ВКонтакте». Согласно решениям судов, факт размещения данного приглашения квалифицирован как осуществление миссионерской деятельности.

На практике возникает и другой вопрос: является ли миссионерской деятельностью проведение публичных религиозных обрядов в общественном месте (действий, сопровождаемых богослужебными обрядами, ритуальными песнями, танцами, чтением мантр, молитв и др.)?

Согласно требованиям действующего законодательства, при совершении массового культового мероприятия религиозной направленности требуется получение согласования в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»⁶. На практике возникают ситуации, когда под официальной целью (официально заявленного и согласованного шествия) по сути осуществляется миссионерская деятельность, поскольку в рамках этого шествия привлекается внимание общественности, происходит распространение информации о вероучении среди лиц, не являющихся членами религиозного объединения. Например, путем исполнения ритуальных танцев, хорового пения религиозных текстов, раздачи культовой пищи.

⁵ Постановление Верховного Суда РФ от 17.11.2017 г. № 11-АД17-44 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС «КонсультантПлюс».

Однако, несмотря на заключения специалистов-религиоведов, суд может принимать решение, руководствуясь собственными убеждениями. Так, согласно Постановлению Тверского областного суда от 24.08.2017 г. по делу № 4-а-422/2017⁷ не является доказанным факт осуществления миссионерской деятельности в ходе шествия представителей кришнаитов, поскольку в деле отсутствуют сведения о том, какая религиозная информация и с какой целью распространялась в ходе проведения публичного мероприятия среди лиц, не являющихся участниками религиозного объединения.

При принятии судом приведенного решения не было принято во внимание экспертное заключение, согласно которому сами кришнаиты рассматривают подобные шествия не как заявленное ими в административном порядке шествие с культурологическими целями, а как культовое действие «харинаму», которое является в их вероучении, в том числе, способом вовлечения новых адептов в свою религию.

2. Наличие правовых оснований для осуществления данной деятельности. В этом случае требования зависят от вида религиозного объединения – религиозная группа или религиозная организация. От имени религиозной группы имеет право осуществлять миссионерскую деятельность гражданин, имеющий решение общего собрания религиозной группы о предоставлении ему соответствующих полномочий. Следует обратить внимание на обязательное указание – документ гражданин должен иметь при себе, т.е. документ должен быть в наличии, на бумажном носителе и оформлен надлежащим образом.

От имени религиозной организации миссионерскую деятельность вправе осуществлять руководитель религиозной организации, член ее коллегиального органа и (или) священнослужитель, а также иные граждане и юридические лица, имеющие соответствующее разрешение (документ, выданный в порядке, установленном действующим законодательством, предоставляющий полномочия на осуществление миссионерской деятельности от имени религиозной организации). Согласно рассмотренному выше Постановлению Верховного Суда РФ, договор на осуществление волонтерской деятельности, заключенный между гражданином и религиозной организацией, не является подобным разрешающим документом.

Интересным представляется мнение граждан, полагающих, что, распространяя религиозную литературу, проводя публичные лекции и подобные просветительские мероприятия, они реализуют свое конституционное право на свободу совести и вероисповедания. Однако

⁷ Постановление Тверского областного суда от 24.08.2017 г. по делу № 4-а-422/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

суд указывает, что для осуществления миссионерской деятельности предусмотрены некоторые правила, в частности, требуется создание религиозного объединения (в форме религиозной группы или религиозной организации). Индивидуальное осуществление миссионерской деятельности, даже при условии распространения информации о существующем и зарегистрированном вероучении, действующим законодательством не предусмотрено⁸.

3. Место осуществления миссионерской деятельности. Места для беспрепятственного осуществления миссионерской деятельности перечислены в п. 2 ст. 24.1 ФЗ «О свободе совести...». Осуществление миссионерской деятельности в других местах, не перечисленных в указанном пункте, допускается при наличии соответствующих правовых оснований (к примеру, договора аренды нежилого помещения).

При этом остается не достаточно урегулированным вопрос о возможности осуществления миссионерской деятельности в жилых помещениях, принадлежащих членам тех или иных религиозных объединений. Нормы ФЗ «О свободе совести...», с одной стороны, прямо запрещают возможность осуществления миссионерской деятельности в жилых помещениях (п. 3 ст. 24.1 ФЗ «О свободе совести...»), но оставляют исключение, предусмотренное ч. 2 ст. 16 данного Закона: богослужения, другие религиозные обряды и церемонии беспрепятственно совершаются, в том числе, в жилых помещениях. Учитывая, что по своей сути миссионерская деятельность, согласно законодательному определению, не является религиозным обрядом или богослужением, можно сделать вывод, что данное исключение косвенно подтверждает, что религиозный обряд может совершаться с целью осуществления миссионерской деятельности.

Проблема религиозной безопасности сегодня, как никогда, важна для стабильного существования государства, и Закон «О свободе совести...», не покушаясь на конституционные права граждан, должен служить этой цели. В тех рамках, в которых сейчас Закон рассматривает миссионерскую деятельность, новые религиозные движения имеют возможность проводить миссионерские мероприятия под видом культовых и активно пользуются предоставленными правами. Учитывая вышеизложенные аргументы, полагаем, что необходимо расширить перечень законодательно закрепленных форм осуществления миссионерской деятельности, включив в него религиозные действия в форме религиозных обрядов, осуществляемых в общественных местах.

⁸ См.: Постановление Тверского областного суда от 22.12.2016 г. по делу № 4а-693/2016; Решение Орловского областного суда от 22.05.2017 г. по делу № 12-35/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Более подробная регламентация порядка и особенностей осуществления миссионерской деятельности обеспечит дополнительные барьеры на пути деструктивных религиозных групп и организаций, несущих угрозу материальной и духовной безопасности граждан.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.10.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 06.07.2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 01.05.2019 г.) «О свободе совести и религиозных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 г. № 579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 24.1, п. 2 ст. 24.2 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и ч. 4 ст. 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Верховного Суда РФ от 17.11.2017 г. № 11-АД17-44 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Тверского областного суда от 24.08.2017 г. по делу № 4-а-422/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Тверского областного суда от 22.12.2016 г. по делу № 4а-693/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Решение Орловского областного суда от 22.05.2017 г. по делу № 12-35/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF MISSIONARY ACTIVITIES IN RUSSIAN FEDERATION

A. V. Aftakhova
Tver State University

The article is devoted to the analysis of the legal regulation of missionary activity; analysis of materials of judicial practice identifies problems in the field of legislative regulation of missionary activity.

Keywords: *missionary activity, freedom of conscience and religion, religious ceremony, administrative responsibility.*

Об авторе

АФТАХОВА Александра Васильевна — канд. философ. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: rizzh@bk.ru.

AFTAKHOVA Alexandra – PhD, assistant professor of civil procedure and law enforcement Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: rizzh@bk.ru

Афтахова А.В. Некоторые аспекты правового регулирования миссионерской деятельности в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 42 – 49.

УДК 347.8

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВА НА ПЕРЕРАБОТКУ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

С. А. Драгунова

ФГБОУ ВО «НИ Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск

В статье анализируется право на переработку произведения с позиции международных актов и национального законодательства РФ. Рассматриваются положения Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, исследуется судебная практика Суда по интеллектуальным правам РФ, делаются выводы об особенностях правоприменительной практики.

Ключевые слова: право на переработку произведения, авторские права, исключительное право, производные произведения, перевод, адаптация.

Право на переработку произведения – одно из неотъемлемых правомочий автора, признаваемых национальным законодательством большинства стран мира. Его понимание заложено в Бернской конвенции, согласно которой наряду с оригинальными произведениями без ущерба правам автора оригинального произведения охраняются переводы, адаптации, музыкальные аранжировки и другие переделки литературного или художественного произведения¹. Аналогичная формулировка содержится и в п. 4 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе².

Официальный комментарий Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) к ст. 2 Бернской конвенции указывает: переводы, адаптации, музыкальные аранжировки и другие переделки литературного или художественного произведения по своей сути являются производными объектами. Они базируются на других, уже существующих работах. При этом Конвенция предусматривает их охрану наряду с оригинальными работами, поскольку их создание является результатом творческого труда³.

К переработке произведений Бернская конвенция относит как переделки произведений в рамках той же художественной формы или в рамках того же вида искусства (переводы, аранжировки), так и

¹ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г. (ред. от 28.09.1979 г.) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. П. 3 ст. 2.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 15.03.2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.01.2015 г.).

³ Guide to the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works / Published by the WIPO. Geneva, 1978. P. 19.

переделки произведения из одной художественной формы в другую (экранизация, инсценировка). Перечень видов переработки открытый и, по существу, ничем не ограничен.

Переводчик работает над чьим-либо текстом, но в результате интеллектуального усилия выражает мысли изначального автора на другом языке. Перевод – это творческая работа сама по себе; перевод не может существовать без оригинала, но он отличается от последнего не только языком, но и выражениями, фразеологией, грамматическим построением, стилем и, зачастую, многим другим.

Адаптации также занимают важное место в области интеллектуальной собственности, а разнообразие средств коммуникации предоставляет им даже более широкое пространство. Многие романы, часто неизвестные или забытые, нашли свое место на сцене, экране, радио или телевидении в виде пьес, сценариев и радио-или телесериалов. Адаптация – это работа сама по себе, в некотором смысле подчиненная более ранней работе, но имеющая собственное значение. Адаптации также могут быть переводами, если оригинальная работа изначально была создана на другом языке.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 14 Бернской Конвенции (в редакции 1967 г.) переработкой считается и кинематографическая переделка, а также переделка в любую другую художественную форму кинематографических постановок, созданных на основе литературных или художественных произведений.

На осуществление переработки охраняемого произведения необходимо получить согласие автора. Исключительное право автора литературных и художественных произведений разрешать переделки, аранжировки и другие переработки своих произведений закреплено в ст. 12 Бернской конвенции.

Таким образом, на производные произведения может формироваться двойной набор прав, поскольку правовой охране подлежит как оригинальная, так и производная работа. Например, для использования перевода необходимо получить согласие автора оригинальной работы и согласие переводчика. Тем не менее, последний, по контракту, может быть уполномочен автором оригинала для использования его работы без согласия первоначального автора⁴.

Действующее национальное законодательство в сфере интеллектуальной собственности определяет право на переработку как одно из правомочий, составляющих исключительное право автора

⁴ Там же. Р. 20.

произведения⁵. При этом в ГК РФ, как и в Бернской конвенции, используется термин «производное произведение», под которым в соответствии с пп. 1 п. 2 ст. 1259 ГК РФ понимаются «произведения, представляющие собой переработку другого произведения». Институт переработки регулируется простым перечислением видов переработки без выделения присущих ей признаков. Такой подход к регулированию института переработки является традиционным, и его история представляет собой постепенное расширение перечня видов переработки⁶. В настоящее время переработка включает в себя перевод, аранжировку, инсценировку, экранизацию, обработку и т.д. – данный перечень является открытым⁷. На производные произведения признаются авторские права, однако автор производного произведения не может использовать своё произведение без согласия правообладателя первоначального произведения⁸.

Право на переработку произведения как правомочие передается в составе исключительного права в порядке, предусмотренном законом – путем заключения договора об отчуждении исключительного права в полном объеме; путем заключения лицензионного договора, а также без заключения договора с правообладателем (ст. 1241 ГК РФ), например, при обращении взыскания на имущество правообладателя или в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица).

Действие правомочия на переработку произведения ограничено по времени и соответствует сроку действия исключительного права на произведение – по общему правилу оно существует в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора⁹.

В российской правоприменительной практике зачастую возникает проблема соотношения права на переработку произведения и права на неприкосновенность произведения. Формально грань между двумя этими правами определена Постановлением Пленума Верховного Суда

⁵ О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 г. // РГ. 2009.

⁶ Довгалюк А. Переработка произведения vs «параллельное» творчество: понятие, критерии разграничения [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/01/17/pererabotka_proizvedeniya_vs_parallelnoe_tvorchestvo_ponyatie_kriterii_razgranicheniya#comment_483162

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018 г.) (ч. 2 ст. 1270) // РГ. 2006.

⁸ Там же (п. 3 ст. 1260; пп. 9 п. 2 ст. 1270).

⁹ Там же (п. 1 ст. 1281).

РФ¹⁰. Так, п. 31 формулирует, что правом на неприкосновенность произведения затрагиваются такие изменения, которые не влекут создания нового произведения на основе имеющегося. Что касается переработки произведения, то она предполагает создание нового (производного) произведения на основе уже существующего. Главным отличием права на неприкосновенность от права на переработку выступает критерий создания принципиально нового произведения. Формально данная конструкция проста и понятна, однако на практике определить степень творческой новизны производного произведения зачастую бывает затруднительно. Представляется, что при рассмотрении дел о защите права исключительного права, каждый конкретный случай внесения изменений должен быть проанализирован судом на предмет создания нового произведения; также желательно проведение экспертной оценки.

Так, допустим, например, что автор заключил договор с издательством о передаче имущественных прав на произведение, содержащее в себе комментарии к нескольким законодательным актам, и передал, в том числе, право на переработку произведения. Произведение не было опубликовано. Однако через год произведение было издано под именем автора в переработанном виде и дополнено комментариями к законам, при этом в переработке автор участия не принимал. На наш взгляд, в данном случае речь будет идти не о переработке (т.е. о создании нового произведения на основе уже существующего), а о внесении изменений в оригинальный текст, созданный автором (т.е. о неприкосновенности произведения). Несмотря на то, что право на переработку было передано автором по договору с издательством, право на неприкосновенность произведения (т.е. запрет на внесение различного рода дополнений, сокращений или изменений, использование предисловий, послесловий, комментариев, пояснений или иллюстраций без предварительного согласия на это автора произведения) за автором все равно сохраняется. Таким образом, издательство не имело права без согласования с автором вносить произвольные изменения в текст изначального произведения.

Также интересным с теоретической и практической точек зрения является Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу №А40-14248/2016¹¹. Краткая фабула дела такова: ООО «Музыкальное

¹⁰ О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 г. // РГ. 2009.

¹¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 января 2017 г. по делу № А40-14248/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71604402/>

право» обратилось в Арбитражный суд города Москвы с иском о возмещении вреда, причиненного нарушением исключительных авторских прав.

ООО «Музыкальное право» является обладателем исключительного права на произведение «Кукушка» В. Цоя. В рамках телепередачи «Голос. 4 сезон» в эфире «Первого канала» в переработанном виде 09.10.2015 г. было использовано указанное произведение.

В адрес ответчика была направлена претензия. В ответ на претензию ОАО «Первый канал» сообщило, что между ним и РАО был заключен лицензионный договор, на основании которого и осуществлялась переработка музыкального произведения. Между тем, Истец считает, что в число правомочий, которые РАО могло передавать по лицензионному договору, право на переработку не входит, а, следовательно, разрешение на переработку мог выдать исключительно правообладатель, т.е. истец. Поскольку между истцом и ответчиком лицензионный договор не заключался, то, по мнению ООО «Музыкальное право», переработка была осуществлена неправомерно.

В своем Постановлении Суд по интеллектуальным правам указал, что переработка произведения является одним из способов его использования, предусмотренным ст. 1270 ГК РФ. Аккредитация РАО не распространяется на такой способ использования, а следовательно, право на переработку спорного музыкального произведения не могло быть предоставлено ответчику на основании лицензионного договора, заключенного с РАО.

Таким образом, осуществление переработки произведения требует согласия обладателя исключительного права на произведение. Наличие лицензионного договора с аккредитованной организацией не гарантирует возможность осуществления законной переработки объекта авторского права. Право на переработку произведения может передаваться в договорном порядке при условии непосредственного упоминания в соглашении. Во внедоговорном порядке право на переработку передается в составе исключительного права целиком, например, при обращении взыскания на имущество правообладателя или в порядке универсального правопреемства.

Список литературы

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г. (ред. от 28.09.1979 г.) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. П. 3 ст. 2.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 15.03.2018 г.) [Электронный ресурс]. URL:

Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.01.2015 г.).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018 г.) (ч. 2 ст. 1270) // РГ. 2006.

4. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 г. // РГ. 2009.

5. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 г. // РГ. 2009.

6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 января 2017 г. по делу № А40-14248/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71604402/>

7. Довгалюк А. Переработка произведения vs «параллельное» творчество: понятие, критерии разграничения [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/01/17/pererabotka_proizvedeniya_vs_parallelnoe_tvorchestvo_ponyatie_kriterii_razgranicheniya#comment_483162

8. Guide to the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works / Published by the WIPO. Geneva, 1978. P. 19.

CONCEPT AND LEGAL NATURE OF A RIGHT TO RECAST A CREATIVE WORK

S. A. Dragunova

National Research Mordovia State University, Saransk

The article analyzes the right to recast the creative work from the point of international acts and the national legislation of the Russian Federation. Also the article studies the provisions of the Berne Convention for the protection of literary and artistic works, the judicial practice of the Court of Intellectual Rights of the Russian Federation. As a result of research the author makes the conclusions about the features of law enforcement practice.

Keywords: *the right to recast, copyright, exclusive right, derivative works, translation, adaptation.*

Об авторе

ДРАГУНОВА Светлана Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международного и европейского права ФГБОУ ВО «НИ Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева» (Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68). E-mail: svesed@yandex.ru, т. 89879969316

DRAGUNOVA Svetlana – candidate of economic sciences, assistant professor of department of international and european law, National Research Mordovia State University (Russia, Sarans, Bolshevistskaya st., 68). E-mail: svesed@yandex.ru,

Драгунова С.А. Понятие и правовая природа права на переработку произведения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59) . С. 50 – 56.

УДК 347.634 : 347.9 + 342.7

ОТКАЗ РОДИТЕЛЕЙ ОТ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА: ПРАВО ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Ю. А. Дронова, Л. В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с правовой оценкой отказа родителей от медицинского вмешательства в отношении несовершеннолетних, не достигших 15 лет, соотношение права на жизнь и права на личную неприкосновенность. Обращено внимание на различие терминов и подходов при решении вопроса о возможности медицинского вмешательства без согласия законных представителей в судебном и внесудебном порядке. Анализируется судебная практика по делам, связанным с невыполнением обязанности родителей заботиться о здоровье детей, и показаны различные подходы к уголовно-правовой квалификации таких бездействий.

***Ключевые слова:** медицинское вмешательство, информированное добровольное согласие, обращение в суд, уголовная ответственность, право на жизнь, родители, отказ от медицинского вмешательства, спасение жизни, органы опеки и попечительства, медицинская организация, возраст, обращение в суд.*

Право человека на жизнь является важнейшим и неотъемлемым, что гарантировано ст. 20 Конституции РФ, а также это право закреплено первым в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это право наиболее часто рассматривают в аспекте смертной казни, военных действий, но не менее значимо обеспечение этого права при оказании медицинской помощи.

Каждому человеку гарантируется для этого ещё и право на охрану здоровья и медицинскую помощь в ст. 41 Конституции РФ. Поскольку это право, то человек может сам распоряжаться как правом на жизнь, так и правом на медицинскую помощь и соответственно отказаться от медицинского вмешательства, даже необходимого для спасения его жизни. И такая возможность гарантируется правом на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренным в ст. 22 Конституции РФ и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В тех случаях, когда решение о медицинском вмешательстве принимает сам человек, вряд ли можно говорить о каком-либо противоречии между правом на жизнь и правом на личную неприкосновенность.

Человек принимает решение о применении медицинского вмешательства после получения необходимой информации о методах лечения, возможных результатах и осложнениях. И это информированное добровольное согласие является в соответствии со ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» необходимым предварительным условием для

медицинского вмешательства. Конечно, эта информация в определенной степени носит формальный характер, не учитывает всех особенностей пациента, но все же позволяет принять решение о согласии или отказе от медицинского вмешательства.

Закон содержит определенные исключения, когда медицинское вмешательство применяется без согласия человека: это прежде всего, когда оно необходимо, а сам человек по состоянию здоровья не может выразить свою волю. Кроме того, медицинское вмешательство без согласия человека возможно для защиты общественных интересов, когда заболевание представляет опасность для окружающих. В зависимости от оснований, по которым возможно медицинское вмешательство без согласия человека, решение принимают сами врачи либо суд в установленном порядке.

Эти правила не вызывают никаких возражений в отношении совершеннолетних и дееспособных лиц, но когда решается вопрос о медицинском вмешательстве в отношении несовершеннолетних и недееспособных, возникает вопрос о необходимости дополнительного контроля за принятием решений о медицинском вмешательстве их законными представителями.

В специальной литературе отмечается, что сегодня информированное согласие становится ключевым феноменом, выражающим всю сложность процессов взаимодействия врача и родительской семьи с целью улучшения оказания медицинской помощи ребенку¹.

Особые трудности применения и соблюдения принципа информированного добровольного согласия связаны с тем фактом, что «партнером врача в данных обстоятельствах является не индивидуальный, а групповой субъект – семья ребенка»².

Законными представителями несовершеннолетних являются их родители, и они в соответствии со ст. 63 Семейного кодекса РФ обязаны заботиться о здоровье детей. К сожалению, судебная практика по делам о лишении родительских прав свидетельствует, что эти и другие обязанности родители далеко не всегда исполняют надлежащим образом, ещё более тяжелые примеры даёт практика рассмотрения дел о преступлениях в отношении несовершеннолетних.

¹ Зими́на М.Ю. Правовые аспекты информированного согласия в педиатрической практике. URL: <http://отрасли-права.рф/article/9159> (дата обращения: 31.08.2019).

² Семке В.Я., Стоянова И.Я., Тюлюпо С.В. Принцип добровольного информированного согласия в амбулаторной педиатрической практике: проблемы внедрения // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 1. URL: <http://medpsy.ru>.

Законными представителями могут быть опекуны и попечители, которые назначаются по решению органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних и недееспособных. В этом вопросе также не все обстоит благополучно, о чем свидетельствует необходимость формирования федерального реестра опекунов и попечителей для исключения возможности повторного назначения опекунами лиц, которые недобросовестно выполняли эти обязанности.

Конечно, у нас нет родительской власти, как это закреплялось когда-то законодательно, но фактически это в определенной степени существует. Не всегда в соответствии с мнением ребёнка его отдают в школу с определённым уклоном, водят в кружки, секции, определяют режим дня и т.д., но особо это относится к вопросам здоровья. Ведь только родитель решает, обращаться ли вообще за медицинской помощью, но такие случаи практически вне сферы правового регулирования.

Как справедливо отмечает О.Ю. Ильина, семейные отношения наиболее уязвимы и чувствительны с точки зрения реализации частных интересов граждан, поскольку при этом должен быть соблюден формат, обусловленный публичным интересом в регулировании семейных и смежных с ними отношений³.

Закон определяет только вопросы, связанные с согласием на медицинское вмешательство, т.е. когда есть обращение в медицинскую организацию. Но эти вопросы, как представляется, решены не в полной мере. В ст. 54 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определено, что по достижении 15 лет несовершеннолетний сам даёт добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство, но при лечении наркомании – только с 16 лет. Как и другие возрастные правила, возможность самостоятельно решать вопросы своей жизни и здоровья имеет условный характер, с ориентацией на усреднённый уровень физического и психического развития. Но, вероятно, должно быть какое-то единообразие, уж если закон допускает с 14 лет возможность уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, а также несовершеннолетние могут распоряжаться своими доходами, совершать сделки, почему возможность давать лично согласие на медицинское вмешательство установлена с 15 лет. Вопрос этот не является однозначным, нужно его решение, которое не позволит следовать неразумным решениям несовершеннолетних, но и гарантирует от злоупотреблений родительскими правами.

³ Ильина О.Ю. Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 13.

Необходимость снижения до 14 лет возраста, с которого несовершеннолетний может лично давать согласие на медицинское вмешательство или отказ от него, и даже включение этого в содержание ст. 26 Гражданского кодекса РФ предлагалась давно⁴.

Законодатель не понизил возрастную границу при принятии в 2011 г. закона, регулирующего охрану здоровья, но и предложения в литературе о необходимости его повышения вряд ли можно признать обоснованными. З.Т. Кубеева⁵, как представляется, вносит два противоречащих предложения: установить возможность обращения в суд за защитой своих прав во всех случаях с 14 лет, а предоставить право на информированное добровольное согласие с 18 лет. Следует учитывать, что врачи в силу их должностных обязанностей и норм медицинской этики, базирующейся на постулате «не навреди», а также возможной ответственности, вплоть до уголовной, предлагают лечение, необходимое пациенту, поэтому риск от того, что ещё не достигший совершеннолетия человек сам решает вопрос о медицинском вмешательстве, представляется не большим, чем в любых других случаях. Дача информированного согласия на медицинское вмешательство в отношении несовершеннолетних и недееспособных их родителями и законными представителями основывается на нормах Семейного кодекса РФ, как уже отмечалось, и правиле ст. 36 Гражданского кодекса РФ, предусматривающей обязанность заботиться о лечении подопечных.

Это право не является абсолютным, медицинское вмешательство в отношении несовершеннолетних и недееспособных возможно вопреки отказу от него законного представителя в двух случаях: если это необходимо для спасения жизни или по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни. В ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» не даётся различия в толковании этих двух ситуаций, хотя существенно отличается порядок применения медицинского вмешательства без согласия законного представителя. По экстренным показаниям об угрозе жизни медицинское вмешательство может быть проведено по решению консилиума врачей, а при невозможности его собрать – лечащим или дежурным врачом с последующим извещением руководителей медицинской организации и законного представителя. В случае отказа

⁴ См.: Туманова Л.В. Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 31 – 32.

⁵ См.: Кубеева З.Т. Конституционно-правовое регулирование защиты детства в Российской Федерации и в Республике Казахстан: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2019. С. 13.

от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, медицинская организация вправе обратиться в суд.

Обратим внимание на два момента. Прежде всего обращение в суд определено как право, следовательно, медицинская организация может и не обращаться в суд. Конечно, врачебный долг трактуется это как обязанность, но странно, что законодатель не предусмотрел именно такую формулировку. Кроме того, нуждается в толковании применение словосочетания «одного из родителей». Если применительно к извещению одного из родителей о применённом экстренном медицинском вмешательстве (п. 1 ч. 10 ст. 20 ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации») совершенно понятно, что достаточно известить одного из родителей, то формулировка ч. 5 ст. 20 названного закона «при отказе одного из родителей...» оставляет неясным вопрос о том, должны ли оба родителя, как равноправные законные представители, давать согласие и как быть, если их позиции противоположны.

Право медицинской организации на обращение в суд длительное время носило скорее декларативный характер, его процессуальное закрепление было уже после вступления в действие Кодекса административного судопроизводства РФ в июне 2016 г.

Глава 31.1 КАС регулирует защиту интересов несовершеннолетних и недееспособных в случаях отказа законного представителя от медицинского вмешательства, т.е. возможность в судебном порядке решить вопрос о медицинском вмешательстве. Но такая возможность не обеспечивает в полном объёме прав несовершеннолетних и недееспособных на охрану здоровья и лечение, кроме того, и само понятие «для спасения жизни» носит оценочный характер, в зависимости от очень многих факторов и последствий, в том числе сроков их наступления. Например, отказ от прививки против особо опасных болезней является угрозой жизни или нет, должна ли эта угроза быть непосредственной или удаленной во времени? Возникают естественные сомнения в целесообразности ограничения судебного контроля только рамками «спасения жизни».

Обязанность родителей и других законных представителей заботиться о здоровье ребенка должна быть в большей степени обеспечена возможностью принудительного её осуществления и ответственностью за неисполнение. Вопрос о том, что обращение в суд при отказе законных представителей от медицинского вмешательства

должно быть возможным во всех случаях, имеет большую историю⁶. Но законодатель не воспринял этого.

Появление ВИЧ и многих других новых заболеваний, а также новые проявления прежних опасных недугов требуют изменения подходов не только чисто медицинских, но и правовых. Не может здоровье ребёнка зависеть от усмотрения его родителей, а в качестве самостоятельного основания для лишения родительских прав отказ лечить ребёнка практически не встречается.

Статистика свидетельствует о том, что уже в раннем возрасте число детей без отклонений по здоровью уменьшается. Обычно это относят к недостаткам медицины и крайне редко связывают с ненадлежащим исполнением родителями своих обязанностей, только в каких-то экстремальных случаях. Так может не следует опасаться того, что в судах появится много дел, связанных с отказом от медицинского вмешательства несовершеннолетних, и обеспечить полный судебный контроль в этой сфере? Это, кроме того, поможет выявлять и негативные моменты в деятельности медицинских организаций. Ведь нередко родители отказываются не от медицинского вмешательства как такового, а от тех условий и методов, которые имеют место в данной медицинской организации.

Конечно, есть определённые недостатки и в действующем порядке рассмотрения дел, связанных с недобровольным медицинским вмешательством, но это заслуживает самостоятельного исследования, отметим только некоторые моменты. Так, принудительное лечение заразной формы туберкулеза осуществляется в судебном порядке по правилам гл. 31 КАС РФ, основанием для этого является уклонение от лечения или неоднократное нарушение режима. Административным ответчиком выступает больной. Возникает вопрос: несовершеннолетний или недееспособный сам уклоняется от лечения или это связано с бездействием его законных представителей? И соответственно в каком порядке суд должен решать эти дела?

Вопрос о жизни и здоровье несовершеннолетних и недееспособных должен быть предметом судебного контроля во всех случаях. Разумеется, нецелесообразно все вопросы, связанные с обеспечением здоровья несовершеннолетних и недееспособных, переносить в сферу судебной деятельности. Забота о таких лицах – прямая обязанность органов опеки и попечительства, но необходима определенная корректировка правовых норм.

⁶ См., например: Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. М., 1998; Её же. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001.

Обратимся к правилу ч. 5 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Правило о том, что законный представитель недееспособного извещает о своём отказе от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни подопечного, орган опеки и попечительства, уже было подвергнуто критике как нелогичное⁷, поскольку опекун должен сообщить о своём не совсем правомерном действии. Но ещё больше удивляет, что аналогичной обязанности нет у опекуна или попечителя несовершеннолетнего, получается, о такой ситуации они не должны извещать органы опеки и попечительства. Целесообразно, чтобы такая обязанность извещать органы опеки и попечительства была бы у медицинской организации, но по буквальному тексту п. 4 ч. 2 ст. 285.1 КАС РФ медицинская организация обязана уведомлять органы опеки и попечительства не об отказе законного представителя, а только о своём обращении в суд.

Предложение о том, чтобы извещать органы опеки и попечительства во всех случаях, когда законный представитель отказывается от медицинского вмешательства в отношении своего ребёнка или подопечного, уже неоднократно высказывалось⁸, вероятно, такая обязанность медицинских организаций позволила бы своевременно обратить внимание на исполнение родителями их обязанностей.

Практика свидетельствует, что родители уклоняются от лечения ВИЧ у своих детей⁹. Отказ от медицинского вмешательства должен получить правовую оценку не только с позиций медицинского права, но и гражданского, семейного и уголовного. Вопрос о том, что лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности, уже ни у кого не вызывает сомнений, но этого явно недостаточно, да и как уже отмечалось, напрямую с необеспечением заботы о здоровье это редко связывают. Нужен новый взгляд на проблему. Так, в практике встречаются случаи, когда родители, являясь ВИЧ-инфицированными, отказываются от применения медицинского вмешательства в

⁷ Козьминых Е.В. «Новые основы» для врача и пациента с позиции судебной практики. Платные медицинские услуги, современные требования законодательства: комментарий к Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» и к Постановлению Правительства РФ от 04.10.2012 г. № 1006. Изд. 5. 2013. Февр. URL: https://narkodisp.ru/documents/398640/406834/5-e_izd_komment_osnov_koz_minyh_01_02_2013.pdf/e090d7c3-47a3-4ea6-baa7-7303dadb41a1?version=1.1

⁸ См., например: Туманова Л.В. Состояние и перспективы развития законодательства о защите публично-правовых отношений. СПб., 2002. С. 299.

⁹ См.: Решение Октябрьского районного суда города Тамбова от 28.02.2019 г. Дело № 2а-1331/2019 // Архив Тамбовского областного суда.

отношении новорожденного, которое может обеспечить его здоровье¹⁰. Может, это какая-то форма эвтаназии, которую применяют родители к своим детям или законные представители, которым надоело опекать недееспособных?

В связи с отказами ВИЧ-инфицированных родителей от лечения ВИЧ у себя и у своих ВИЧ-инфицированных детей СМИ даже стали использовать особый термин «ВИЧ-диссидентство», поскольку подобные случаи регулярно фиксируются в различных регионах нашей страны.

Так, на сайте прокуратуры Тюменской области была опубликована информация о том, что прокуратура Центрального округа г. Тюмени утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении жительницы г. Тюмени. Она обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Как следует из материалов уголовного дела, ВИЧ-инфицированная тюменка в июне 2014 г. родила дочь. Женщина не лечилась сама и категорически отказывалась от лечения дочки, полагая, что ВИЧ-инфекции не существует. Вопреки рекомендациям врачей осуществляла грудное вскармливание, увеличивая риск заражения своего ребенка. В апреле 2017 г. девочка умерла от ВИЧ-инфекции 4В стадии. Согласно заключению комиссионной судебно-медицинской экспертизы своевременное обследование и лечение ВИЧ-инфекции у ребенка с момента рождения позволило бы добиться ремиссии заболевания и значительно увеличить продолжительность его жизни с этой патологией¹¹.

Таким образом, вопросы об обращении медицинских организаций в суд в связи с отказом родителей от медицинского вмешательства в отношении своих несовершеннолетних детей, не достигших 15 лет, и об уголовной ответственности таких родителей в случае наступления неблагоприятных последствий для ребенка связаны самым тесным образом.

¹⁰ Решение Кировского районного суда города Уфы от 01.02.2019 г. Дело № 2а-1571/2019 // ГАС РФ «Правосудие». URL: [https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=1_cdad5ab861f44b5d8240a37a28472abb&shard=Вс е дела \(новое\)&from=p&r={\"type\": \"MULTIQUERY\", \"multiqueryRequest\": {\"queryRequests\": \[{\"type\": \"Q\", \"queryRequestRole\": \"SIMPLE\", \"request\": {\"query\": {\"type\": \"QUERY\", \"mode\": \"SIMPLE\"}, \"operator\": \"AND\"}, {\"type\": \"Q\", \"request\": {\"mode\": \"EXTENDED\", \"typeRequests\": \[{\"fieldRequests\": \[{\"name\": \"case_court_type\", \"operator\": \"EX\", \"query\": {\"mode\": \"AND\", \"name\": \"common\", \"typesMode\": \"AND\"}\], \"operator\": \"AND\", \"queryRequestRole\": \"CATEGORIES\"}\], \"sorts\": \[{\"field\": \"score\", \"order\": \"desc\"}\], \"simpleSearchFieldsBundle\": \"default\", \"noOrpho\": false](https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=1_cdad5ab861f44b5d8240a37a28472abb&shard=Вс е дела (новое)&from=p&r={\)

¹¹ См.: <https://proctmo.ru/press-center/news/118915989785/> (дата обращения: 28.08.2019).

Так, например, Е.В. Козьминых в комментарии к Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» эмоционально рассуждает о том, что целесообразно было бы непосредственно в законе связать эти вопросы, отмечая, в частности, что в отношении родителей малолетнего ребенка, отказавшихся от медицинского вмешательства, необходимого для спасения его жизни, вообще нет никаких «угрожающих» пунктов или обязанности совершить определенные действия (*в комментируемом ФЗ. Прим. авторов*). Иными словами – «полная анархия»: «хотим – отказываемся, хотим – не отказываемся – никакого наказания за отказ Основы не содержат». В этой связи странным выглядит отсутствие в комментируемой статье новых Основ хотя бы минимальной ссылки на закон, которым такая ответственность на самом деле предусмотрена. Мы имеем в виду ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Непонятно, почему при том увлечении авторов Основ бланкетными (отсылочными) нормами, когда в других статьях по поводу и без повода вставлены ссылки на абстрактное «российское законодательство», в разбираемой статье, где ссылка на уголовную статью прямо-таки «сама о себе кричит» и пытается справедливо занять свое место в тексте Основ, авторы Закона как будто набрали в рот воды – изо всех сил молчат о существовании фактически прямой санкции за описанное в статье правонарушение¹².

То есть автор данного комментария безусловно считает, что родители, отказавшиеся от медицинского вмешательства в отношении своего ребенка, подлежат уголовной ответственности по ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Следует отметить, что с точки зрения специфики субъекта данного состава преступления эта позиция является вполне обоснованной. В диспозиции ст.125 указывается, что виновный должен иметь возможность оказать помощь лицу и быть обязанным иметь о нем заботу. В комментариях к УК как частный случай наличия такой обязанности отмечаются родственные отношения¹³.

Еще в 2011 г. в интернет-издании Snob.ru была опубликована статья об осуждении по ст. 125 УК РФ матери, отказавшейся от переливания крови своему пятилетнему сыну, который в связи с этим умер от анемии. Мать являлась членом организации Свидетели Иеговы. Суд назначил осужденной наказание в виде штрафа в размере пять тысяч рублей.

Автор публикации пишет: «Теперь в России появился первый прецедент: свидетель Иеговы осуждена по ст. 125 УК РФ

¹² Козьминых Е.В. Указ. соч.

¹³ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 207.

“Оставление в опасности”». А прокуратура надеется, что теперь судебное преследование представителей этой секты в аналогичных ситуациях станет регулярным. Отказ от медицинской помощи и судебные разбирательства имеют уже довольно долгую историю в Америке. 20 лет назад множество дел было заведено на родителей, которые принадлежали Христианской науке (Church of Christ, Scientist). Один из самых известных случаев произошел в 1993 году в Массачусетсе: тогда родителей двухлетнего мальчика, умершего без медицинской помощи, осудили на 10 лет условно и обязали регулярно показывать остальных детей врачам»¹⁴.

Таким образом, практика привлечения родителей, отказавшихся от лечения ребенка при наступлении впоследствии его смерти, по ст. 125 УК РФ в нашей стране имеет определенную историю и подобные приговоры не единичны. Однако, продолжая анализ диспозиции данной статьи УК, следует отметить, что обязательным признаком состава преступления является нахождение потерпевшего в опасном для жизни или здоровья состоянии (при этом угроза жизни или здоровью должна носить реальный характер). Соответственно, применительно к субъективной стороне состава преступления этот признак должен осознаваться виновным, что, в свою очередь, входит в предмет доказывания. В случаях, когда речь идет о ВИЧ-инфекции, о необходимости переливания крови для спасения жизни, это осознание можно презюмировать. В иных случаях, когда для родителя (как неспециалиста) такая опасность не является вполне очевидной, установление признаков состава преступления будет напрямую связано с тем, насколько грамотно и доступно медицинские работники объяснили возможные последствия отказа родителю.

Объективные признаки состава данного преступления не вызывают вопросов с точки зрения возможности его применения к таким родителям. Непосредственным объектом являются жизнь или здоровье ребенка. Объективная сторона выражается в бездействии – заведомом оставлении без помощи. Состав преступления – формальный, наступление общественно-опасных последствий не входит в его объективную сторону.

Тем не менее нет оснований для вывода о том, что ст. 125 УК РФ является единственной, применяемой в судебной практике для привлечения родителей к уголовной ответственности, применительно к рассматриваемой проблематике.

Помимо рассмотренного выше примера с ВИЧ-инфицированной жительницей Тюмени, можно найти еще немало примеров, когда в этих

¹⁴ <https://snob.ru/selected/entry/30849/> (дата обращения: 28.08.2019).

случаях деяние родителей квалифицируется по ст.109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности».

Так, 6 декабря 2018 г. в Октябрьском районном суде г. Рязани оглашен приговор по уголовному делу в отношении супружеской пары, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Суд установил, что у подсудимых супругов родился ребенок с врожденным заболеванием и врачами было назначено необходимое лечение в качестве пожизненной терапии. Первое время супруги выполняли назначения врачей и ежедневно давали своему ребенку необходимые лекарственные препараты. Но затем перестали давать лекарства, ошибочно полагая, что они могут навредить ребенку, и посчитали, что совершаемые ими ежедневные молитвы помогут ему выздороветь без применения назначенного врачами лечения. Отказ от назначенного лечения повлек ухудшение состояния здоровья ребенка с последующим наступлением его смерти. Суд признал подсудимых виновными и с учетом признания ими своей вины, раскаяния в содеянном, а также совершения преступления в отношении несовершеннолетнего ребенка родителем назначил: отцу ребенка наказание в виде 1 года ограничения свободы; матери ребенка наказание в виде 9 месяцев ограничения свободы¹⁵.

В апреле 2018 г. на сайте СУ СК РФ по Иркутской области была опубликована информация о том, что в Иркутске расследуется уголовное дело по факту смерти 4-месячной девочки, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Следствием установлено, в феврале 2018 г. врачи Ивано-Матренинской больницы констатировали смерть 4-месячной девочки в результате пневмоцистной пневмонии. Мать ребенка была ВИЧ-инфицированной и не принимала мер к собственному лечению и к лечению дочери¹⁶.

Таким образом, можно констатировать, что единообразной практики привлечения к уголовной ответственности родителей, отказавшихся от лечения ребенка, на сегодняшний день не сложилось. Состав преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, в отличие от ст. 125 является материальным. Соответственно, для квалификации деяния по данной статье необходимо наступление общественно-опасного последствия в виде смерти (применительно к рассматриваемой проблематике – смерти больного ребенка). Представляется, что данный критерий и может быть определяющим при решении вопроса об

¹⁵ http://oktiabrsky.riz.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=508 (дата обращения: 28.08.2019).

¹⁶ <http://irk.sledcom.ru/news/item/1214316/> (Дата обращения 28.08.2019).

уголовно-правовой оценке поведения родителей, отказавшихся от медицинского вмешательства в отношении ребенка.

Список литературы

1. <http://irk.sledcom.ru/news/item/1214316/> (дата обращения: 28.08.2019).
2. http://oktiabrsky.riz.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&id=508 (дата обращения: 28.08.2019).
3. <https://snob.ru/selected/entry/30849/> (дата обращения: 28.08.2019).
4. <https://proctmo.ru/press-center/news/118915989785/> (дата обращения: 28.08.2019).
5. Зимина М.Ю. Правовые аспекты информированного согласия в педиатрической практике. URL: <http://отрасли-права.рф/article/9159> (дата обращения: 31.08.2019).
6. Ильина О.Ю. Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вест. Твер. гос. ун-та. Серия «Право». 2018. № 3.
7. Козьминых Е.В. «Новые основы» для врача и пациента с позиции судебной практики. Платные медицинские услуги, современные требования законодательства: комментарий к Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» и к Постановлению Правительства РФ от 04.10.2012 г. № 1006. Изд. 5. 2013. Февр. URL: https://narkodisp.ru/documents/398640/406834/5-e_izd_komment_osnov_koz_minyh_01_02_2013.pdf/e090d7c3-47a3-4ea6-baa7-7303dadb41a1?version=1.1
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018.
9. Кубеева З.Т. Конституционно-правовое регулирование защиты детства в Российской Федерации и в Республике Казахстан. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019.
10. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001.
11. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. М., 1998.
12. Семке В.Я., Стоянова И.Я., Тюлюпо С.В. Принцип добровольного информированного согласия в амбулаторной педиатрической практике: проблемы внедрения // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2012. № 1. URL: <http://medpsy.ru>.
13. Туманова Л.В. Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.

14. Туманова Л.В. Состояние и перспективы развития законодательства о защите публично-правовых отношений. СПб., 2002.

15. Решение Кировского районного суда города Уфы от 01.02.2019 г. Дело № 2а-1571/2019 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=1_cdad5ab861f44b5d8240a37a28472abb&shard=Все дела

(новое)&from=p&r={"type":"MULTIQUERY","multiqueryRequest":{"queryRequests":

```
[{"type":"Q","queryRequestRole":"SIMPLE","request":{"query":{"type":"QUERY","mode":"SIMPLE"},"operator":"AND"},"request":{"mode":"EXTENDED","typeRequests":[{"fieldRequests":[{"name":"case_court_type","operator":"EX","query":{"mode":"AND"},"name":"common","typesMode":"AND"}]},"operator":"AND","queryRequestRole":"CATEGORIES"}]},"sorts":[{"field":"score","order":"desc"}],"simpleSearchFieldsBundle":"default","noOrpho":false}
```

16. Решение Октябрьского районного суда города Тамбова от 28.02.2019 г. Дело № 2а-1331/2019 // Архив Тамбовского областного суда.

REFUSAL OF PARENTS FROM MEDICAL INTERVENTION REGARDING THE CHILD: LAW OR CRIME?

Yu. A. Dronova, L. V. Tumanova
Tver State University

The article discusses problematic issues related to the legal assessment of parents refusing medical intervention for minors under the age of 15, the ratio of the right to life and the right to security of person. Attention is drawn to the difference in terms and approaches when deciding on the possibility of medical intervention without the consent of legal representatives in court and out of court. The jurisprudence in cases involving the failure of parents to take care of the health of their children is analyzed and various approaches to the criminal qualification of such inaction are shown.

Keywords: *medical intervention, informed voluntary consent, going to court, criminal liability, right to life, parents, refusal of medical intervention, saving lives, guardianship and trusteeship bodies, medical organization, age, going to court.*

Об авторах:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: dron_u75@mail.ru.

DRONOVA Julia - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), e-mail: dron_u75@mail.ru.

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, зав. кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: gpipd@tversu.ru

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Law, the head of the Department of Civil Procedure and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), e-mail: gpipd@tversu.ru

Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Отказ родителей от медицинского вмешательства в отношении ребенка: право или преступление? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 57 – 70.

УДК 34 (470.331) : 336.1

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГРАНТОВ В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

О. В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проанализированы особенности правового регулирования предоставления грантов социально ориентированным некоммерческим организациям в Тверской области. Автором проведен сравнительный анализ норм законодательства, регламентирующего грантовую деятельность региональных исполнительных органов государственной власти, выработаны предложения по совершенствованию условий и порядка предоставления грантов.

Ключевые слова: грант, поддержка социальных проектов, порядок и условия предоставления грантов.

Взаимодействие государства и социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СО НКО) на условиях равноправия сторон является закономерным этапом на пути становления гражданского общества, что побуждает федеральные и региональные исполнительные органы власти тесно взаимодействовать между собой, поскольку основной целью деятельности СО НКО является решение насущных социальных проблем. Государство заинтересовано в стимулировании деятельности этих организаций и все чаще обращается к такому правовому механизму распределения бюджетных средств, как гранты¹.

В современных условиях развития гражданского общества сформировались два основных направления: поддержка фундаментальных научных исследований² и поддержка целевых

¹ См., например: Гутников О.В. Правовой статус гранта по законодательству Российской Федерации // Право и экономика. 2005. № 12. С. 3 – 6; Игумнова О.В. Грант – один из источников формирования имущества некоммерческих организаций // Российский судья. 2006. № 12. С. 24 – 28; Провалинский Д.И. Гранты – понятие и признаки // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6, № 12А. С. 201 – 210; Провалинский Д.И. Гранты в системе правовых стимулов (общетеоретический и сравнительный анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2017 и др.

² См., например: Бабина К.И. Грант как один из способов финансирования научных учреждений: особенности, проблемы, перспективы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 5 (54). С. 170 – 173; Белявский О.В. Эффективность системы грантовой поддержки научных исследований // Евразийский юридический журнал. 2018. № 11 (26). С. 395 – 399; Леонова Т.Н. Эффективность грантового финансирования научно-исследовательских работ: мировой опыт и российские перспективы // Экономическая наука современной России. 2014. № 4 (67). С. 89 – 101 и др.

социальных программ (социальных проектов) СО НКО государственными и муниципальными органами власти.

Финансирование фундаментальных научных исследований (научных грантов) по своей правовой природе является бюджетной субсидией, выделяемой государственным научным фондом на реализацию научного проекта в области фундаментальных исследований на конкурсной, безвозмездной и безвозвратной основе³.

Государственные и муниципальные гранты представляют собой выделенные соответственно из государственного и местного бюджетов субсидии, которые безвозмездно передаются СО НКО для реализации разработанных ими социальных программ, в том числе мероприятий, нацеленных на совершенствование существующей нормативно-правовой базы в целях обеспечения доступа к оказанию услуг в социальной сфере за счет бюджетных средств, на повышение их потенциала и компетенций в качестве поставщиков услуг, а также на координацию их деятельности⁴.

В Тверской области разработан ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок предоставления грантов в форме субсидий из регионального бюджета. В частности, Закон Тверской области «О поддержке некоммерческих организаций органами государственной власти Тверской области»⁵ (далее – Закон ТО о поддержке СО НКО) регулирует отношения в сфере оказания государственной поддержки СО НКО органами государственной власти Тверской области в пределах компетенции Тверской области, закрепляет формы поддержки, а также основные требования по проведению конкурсов.

В ст. 4¹ Закона ТО о поддержке СО НКО установлено, что оказание финансовой поддержки осуществляется в соответствии с бюджетным законодательством за счет бюджетных ассигнований, предусмотренных на эти цели законом Тверской области об областном бюджете Тверской области на соответствующий финансовый год и плановый период, путем предоставления субсидий. Порядок и условия предоставления субсидий устанавливаются Правительством Тверской области. Некоммерческим организациям – исполнителям общественно полезных услуг – указанные субсидии предоставляются на срок не менее двух лет.

³ См.: Белявский О.В. Правовой режим гранта как инструмента государственного финансирования фундаментальных научных исследований в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 9 – 10.

⁴ См.: Кумаритова А.А. Актуальные проблемы правового регулирования государственных и муниципальных грантов // Адвокат. 2007. № 1. С. 56 – 61; Кумаритова А.А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 88 – 99.

⁵ Тверские ведомости. 2007. № 13.

Однако порядок и условия предоставления субсидий устанавливаются не единым нормативным актом Правительства Тверской области, а применительно к особенностям деятельности различными областными исполнительными органами государственной власти (далее – ОИОГВ). Например, отдельные постановления приняты Комитетом по делам молодежи Тверской области, Министерством туризма Тверской области, Министерством экономического развития Тверской области⁶, которые предусматривают различные условия участия в конкурсе по предоставлению грантов (субсидий), состав конкурсной документации и т.д.

Представляется необходимым разработать единый документ, который закреплял бы порядок определения объема и предоставления субсидий. Основой для принятия данного нормативно-правового акта может стать постановление Правительства Тверской области от 26 апреля 2019 г. № 138-пп «Об утверждении порядка определения объема и предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям в целях содействия реализации ими целевых социальных программ (социальных проектов) (далее – постановление ПТО от 26 апреля 2019 г.)⁷, в содержание которого в качестве отдельных разделов могут быть включены особенности предоставления субсидий отдельными ОИОГВ Тверской области.

При этом в постановлении необходимо закрепить порядок проведения конкурсов по предоставлению грантов в Тверской области: от предварительного этапа (объявление конкурса уполномоченным государственным органом и прием заявок), основного этапа (работа Экспертного совета, определение объема субсидии), реализационного этапа (предоставление и использование субсидии) до контрольного этапа (контроль за целевым и эффективным использованием субсидии; возврат субсидии). Единый порядок проведения конкурсов по предоставлению грантов (субсидий) позволит эффективно и целесообразно расходовать бюджетные средства региона, а также

⁶ См., например: Постановление Правительства Тверской области от 18 сентября 2018 г. № 280-пп «О порядке определения объема и предоставления субсидий детским и молодежным общественным объединениям, осуществляющим свою деятельность на территории Тверской области» // Тверская жизнь. 2018. 29 сент.; Постановление Правительства Тверской области от 16 декабря 2014 г. № 643-пп «О порядке предоставления субсидий юридическим лицам, являющимся социально ориентированными негосударственными некоммерческими организациями, на возмещение затрат, связанных с поисковой деятельностью по выявлению неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков, установлению имен погибших и пропавших без вести при защите Отечества» // Тверская жизнь. 2014. 27 дек. и др.

⁷ Тверские ведомости. 2019. № 20. 15 - 21 мая.

обеспечит равную возможность реализации СО НКО права на участие в конкурсах независимо от того, какой ОИОГВ проводит конкурс.

Особо следует обратить внимание на критерии оценки социальных проектов. В постановлении ПТО от 26 апреля 2019 г. закреплены семь критериев оценки целевых социальных программ, представленных СО НКО на конкурс. Достаточно для объективной экспертной оценки социального проекта. Вместе с тем вызывает сомнение повышенный коэффициент, касающийся реалистичности бюджета целевой социальной программы (социального проекта) и обоснованности планируемых расходов на реализацию целевой социальной программы (социального проекта), а также оценка собственного вклада организации и дополнительных ресурсов, привлекаемых на реализацию целевой социальной программы (социального проекта). Данный критерий носит финансовый характер и не показывает социальную значимость проекта для региона.

Представляется, что акцент (наибольший удельный вес баллов) должен быть сделан на таких критериях, как актуальность и значимость целевых социальных программ (социальных проектов) для развития Тверской области и социальная эффективность целевой социальной программы (социального проекта), в которых оценивается актуальность целевой социальной программы (социального проекта), вероятность и скорость наступления отрицательных последствий в случае отказа от реализации мероприятий целевой социальной программы (социального проекта), масштабность негативных последствий, а также наличие или отсутствие государственных (муниципальных) мер для решения таких же или аналогичных проблем.

Кроме того, в постановлении необходимо расширить субъектный состав грантовой поддержки, предусмотрев поддержку не только СО НКО, но и образовательных учреждений, в том числе высшего и среднего профессионального образования, что позволит включить научно-педагогический потенциал образовательных учреждений в решение социально значимых проблем региона.

Список литературы

1. Бабина К.И. Грант как один из способов финансирования научных учреждений: особенности, проблемы, перспективы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 5 (54). С. 170–173.

2. Белявский О.В. Правовой режим гранта как инструмента государственного финансирования фундаментальных научных исследований в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

3. Белявский О.В. Эффективность системы грантовой поддержки научных исследований // Евразийский юридический журнал. 2018. № 11 (26). С. 395 – 399.

4. Гутников О.В. Правовой статус гранта по законодательству Российской Федерации // Право и экономика. 2005. № 12. С. 3 – 6.

5. Игумнова О.В. Грант – один из источников формирования имущества некоммерческих организаций // Российский судья. 2006. № 12. С. 24 – 28.

6. Кумаритова А.А. Актуальные проблемы правового регулирования государственных и муниципальных грантов // Адвокат. 2007. № 1. С. 56 – 61.

7. Кумаритова А.А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 88 – 99.

8. Леонова Т.Н. Эффективность грантового финансирования научно-исследовательских работ: мировой опыт и российские перспективы // Экономическая наука современной России. 2014. № 4 (67). С. 89 – 101.

9. Провалинский Д.И. Гранты – понятие и признаки // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 12А. С. 201 – 210.

10. Провалинский Д.И. Гранты в системе правовых стимулов (общетеоретический и сравнительный анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2017.

ABOUT SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF GRANT PROVISION IN THE TVER REGION

O. V. Zhukova
Tver State University

The features of the legal regulation of the provision of grants to socially oriented non-profit organizations in the Tver region are analyzed. The author carried out a comparative analysis of the norms of legislation governing the grant activities of the regional executive bodies of state power, developed proposals to improve the conditions and procedure for the provision of grants.

Keywords: *grant, support for social projects, the procedure and conditions for grants.*

Об авторе

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: olesyazh@mail.ru.

ZHUKOVA Olesya – PhD, assistant professor of the department of judicial power and law enforcement affairs Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), e-mail: olesyazh@mail.ru.

Жукова О.В. О некоторых вопросах правового регулирования предоставления грантов в Тверской области // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 71 – 76.

УДК 342.725

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

А.А. Мальцева, Е.В. Ключникова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

О.А. Попова

Фонд поддержки правовой культуры, г. Москва

Дается обзорный анализ современного состояния языкового законодательства в республиках Российской Федерации, выделяются ключевые особенности отдельных нормативных актов. Предлагаемая статья содержит обзор отдельных противоречий и лагун, которые были идентифицированы в рамках изучения нормативных основ регулирования функционирования родных языков народов Российской Федерации на региональном уровне. В частности, выделяется проблема отсутствия закона о языках в отдельных республиках Российской Федерации. Кроме того, некоторые нормативные акты республик о языках содержат юридические нормы, которые могли бы быть тиражированы как лучшие практики в других субъектах Российской Федерации. Авторы дают предложения, направленные на совершенствование нормативных основ региональной языковой политики и их гармонизацию с федеральным законодательством.

***Ключевые слова:** родной язык, закон о языках, государственный язык, языковое законодательство, юридическая норма, коренные малочисленные народы, двуязычие, языковая политика.*

В соответствии со п. 3 ст. 3 Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» субъекты Российской Федерации вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Большинство республик Российской Федерации разработали собственные законы о родных языках. Исключение составляют Республика Дагестан, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Крым.

Согласно ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов,

* Статья выполнена в рамках Государственного контракта б/н от 06.05.2019 на оказание услуг по проведению экспертно-аналитических исследований по теме «Совершенствование законодательного обеспечения языковой и образовательной политики в части поддержки сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации (федеральный и региональный аспекты)».

Российская Федерация гарантирует народам, проживающим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя, право на сохранение родного языка. Указанная статья устанавливает, что государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки¹.

Особое внимание в процессе анализа привлекли те республики Российской Федерации, которые на текущий момент не приняли собственных законов о языках (Дагестан, Северная Осетия – Алания, Крым)², что обусловлено дискуссионностью отдельных вопросов в части языкового законодательства, а для Республики Крым — тем фактом, что она принята в состав Российской Федерации в 2014 г. Проект закона Республики Крым «О государственных языках Республики Крым и иных языках в Республике Крым» принят в первом чтении Государственным советом Республики Крым.

Вопросы, связанные с государственными языками республик, нашли свое отражение в их конституциях. В условиях действия Закон РФ от 25.10.1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» установленные в нем нормы в сфере языковой политики имеют юридическую силу и на региональном уровне, поэтому он может быть использован как базовый для реализации языковой политики в указанных республиках без конкретизации отдельных законодательных норм с учетом специфики субъекта Российской Федерации.

По мнению многих ученых и специалистов в области права, дублирование правовых норм федерального законодательства в региональных нормативно-правовых актах в большинстве случаев нецелесообразно. Они могут создавать коллизии с нормами федеральных законов, которые являются основополагающими³.

Другие авторы отмечают, что законодательство субъектов Российской Федерации как особый вид творческой деятельности действительно должно быть творчеством, свободным от примитивного механического переписывания норм федеральных законов, слепого

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20605> (дата обращения 10.08.2019).

² Мальцева А.А., Лапушинская Г.К., Баженова Т.Ю. Нормативно-правовой статус и регулирование родных языков в республиках Российской Федерации // Электронный научно-практический журнал «ИнноЦентр». 2018. Вып. № 3(20). С. 78 - 84. URL: [http://innoj.tversu.ru/Vipusk3\(20\)2018/10%20-%20Мальцева.pdf](http://innoj.tversu.ru/Vipusk3(20)2018/10%20-%20Мальцева.pdf) (дата обращения 10.08.2019).

³ Крохина Ю.А. Правотворчество субъектов Российской Федерации в бюджетной сфере // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 71.

копирования или бездумного подражания законодательной деятельности органов власти соседних регионов⁴.

Таким образом, отсутствие законов о языках в указанных республиках не может быть в полной мере расценено как недостаток нормативно правовой базы регионального уровня. Это может касаться только тех законодательных норм, которые в соответствии с Законом РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» должны быть конкретизированы в региональном законодательстве. Например, в части опубликования законов и иных нормативных правовых актов на языках народов Российской Федерации – наряду с официальным опубликованием, что в соответствии с указанным законом должно регламентироваться законодательством субъектов Российской Федерации. Таким образом, если на уровне республик потребность в опубликовании нормативно-правовых актов на государственных языках (помимо русского) не расценивают как актуальную, необходимость закрепления такой нормы в региональном законодательстве отсутствует.

При этом ряд важных языковых вопросов должен быть установлен именно на региональном уровне. Это касается в первую очередь закрепления за отдельными языками статуса государственных языков республик.

Так, ст. 15 Конституции Республики Северная Осетия – Алания от 12 ноября 1994 г. устанавливает статус государственных языков Республики Северная Осетия – Алания для осетинского и русского языков. В основном Законе республики также отмечается, что осетинский язык (иронский и дигорский диалекты) является основой национального самосознания осетинского народа, а сохранение и развитие осетинского языка определяется как одна из важнейших задач органов государственной власти Республики Северная Осетия – Алания.

Другая ситуация констатируется в Республике Дагестан. Ст. 11 Конституции Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. закрепляет статус государственных языков Республики Дагестан за русским языком и языками народов Дагестана. При этом перечень языков народов Дагестана в основном законе субъекта Российской Федерации не приводится, а также отсутствуют подзаконные акты регионального уровня, в которых он был бы приведен.

Постановлением Государственного Совета Республики Дагестан от 18 октября 2000 г. № 191 «О коренных малочисленных народах Республики Дагестан» утвержден перечень коренных малочисленных

⁴ Чеботарев Г.Н. Федеральное и региональное законодательство: единство и различие // Пять лет региональному законодательству: проблемы, опыт, перспективы / под ред. Н.П. Марова, В.А. Юдашкина. Тюмень, 1999. С. 283 - 284.

народов Республики Дагестан, куда включены аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, таты, табасаранцы, ногайцы, рутульцы, русские, цахуры, чеченцы-акинцы. Языки именно этих народов принято считать языками народов Республики Дагестан.

Дагестан — самая многоязычная и многонациональная территория нашей страны, при этом понятие «титульной нации» не распространяется ни на одну из них. 14 титульных наций республики выделяют с советского периода, что само по себе противоречит сущности понятия «титульная нация». В связи с этим уже более 10 лет вопрос о разработке и принятии закона о языках Республики Дагестан остается дискуссионным, особенно в части самого перечня языков народов Дагестана, которые будут иметь статус государственных⁵.

В 2014 г. активно обсуждались два варианта законопроекта «О языках народов Республики Дагестан», в котором были перечислены 28 языков. По мнению ученых, занимающихся проблемами языков Дагестана, их должно быть больше (32 языка)⁶. Существуют и другие позиции, в связи с чем вопрос о числе и перечне языков народов Дагестана, которым должен быть присвоен статус государственных, в настоящее время не решен.

При этом с точки зрения нормативного регулирования и правоприменительной практики отсутствие в настоящее время перечня языков народов Дагестана, за которым Конституцией республики закреплен статус государственных, является правовой лакуной.

Наиболее простым решением этой проблемы является внесение изменений в Конституцию Республики Дагестан в части сохранения статуса государственного языка республики только за русским языком, как, например, в Республике Карелия. Другим подходом может являться изменение формулировки ст. 11 основного закона Республики Дагестан: «Государственными языками Республики Дагестан являются языки коренных малочисленных народов Республики Дагестан».

В соответствии с приведенным выше Постановлением Государственного совета Республики Дагестан русские включены в число коренных малочисленных народов республики, что соответственно относит русский язык к числу языков коренных малочисленных народов Республики Дагестан.

Анализ республиканских законов о языках, во-первых, показал, что в республиках, входящих в состав Российской Федерации, превалирует двуязычие. Лишь немногие из них закрепляли более двух языков в

⁵ Ниналалов С. Языки вне закона [Электронный ресурс] // URL: http://kavpolit.com/articles/jazyki_vne_zakona-10643/ (дата обращения 10.08.2019).

⁶ Дагиев А. В Дагестане сделают государственными 32 языка [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/02/03/reg-skfo/yaziki-anons.html> (дата обращения 10.08.2019).

качестве государственных языков республик. Во-вторых, специализированные языковые законы республик строятся в своем большинстве с использованием каркаса, структуры Закона Российской Федерации от 25.10.1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», подчас с точным копированием текста статей указанного закона. Это, по всей вероятности, можно объяснить минимальными возможностями для расширения правового статуса государственного языка республики. Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» позволяет законодательному органу республики лишь выбрать, использовать предусмотренную этим законом возможность или нет.

Экспресс-анализ не выявил явных противоречий федерального и региональных законов о языках.

Структура блока общих положений республиканских законов о языках соответствует федеральному закону. В наибольшей степени соответствие выявлено для Кабардино-Балкарской Республики, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Калмыкия, Республики Татарстан, Республики Хакасия, в наименьшей — для Карачаево-Черкесской Республики и Чеченской Республики.

Анализ показал, что в республиканских законах о языках полностью отражены нормы, касающиеся прав граждан на выбор языка образования, преподавания и изучения языков народов Российской Федерации. Наиболее проработаны данные нормы в законах республик Бурятия, Ингушетия, Саха (Якутия), Татарстан и Чувашской Республики.

Стоит отметить, что нормы, направленные на изучение того или иного языка обучения, являются особым аспектом в проведенном анализе. Так, например, изучение и преподавание языков народов в некоторых республиках имеет диспозитивный характер, т.е. гражданам, проживающим на данных территориях, дается право выбора языка, как это прописано в ч. 1 ст. 14 Закона Удмуртской Республики от 6 декабря 2001 г. № 60-РЗ «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках Удмуртской Республики» (с изменениями на 10.04.2015 г.). В Республике Татарстан, наоборот, изучение и преподавание ведется с позиции императива, т.е. обязательного изучения наряду с русским языком своего второго государственного языка, который для проживающих там русских граждан не является родным. Например, подтверждая равноправность государственных языков, ч. 2 ст. 9 Закона Республики Татарстан от 8 июля 1992 г. № 1560-ХП «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» (с изменениями на 27.04.2017 г.) регламентирует, что русский и татарский языки как государственные

изучаются в общеобразовательных организациях и организациях профессионального образования в равных объемах.

Таким образом, прослеживается неоднозначное правовое регулирование отношений, связанных с изучением национальных (неродных для русских граждан) языков.

Следует отметить, что в Законе Республики Бурятия от 10 июня 1992 г. № 221-ХП «О языках народов Республики Бурятия» (с изменениями на 13.12.2018 г.) учитываются интересы разных национальностей, компактно проживающих на территории Республики. В Законе прописано, что создание дошкольных образовательных организаций и общеобразовательных организаций, групп, классов и иных форм обучения и воспитания на родном языке обеспечивается с учетом интересов эвенков и других национальностей, компактно проживающих в районах республики (п. 2 ст. 21).

В Законе Республики Карелия от 19 марта 2004 г. № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» (с изменениями на 07.06.2017 г.) предусмотрено обжалование нарушений прав граждан на свободный выбор, использование карельского, вепсского и финского языков в общении, воспитании, обучении и творчестве (ст. 12).

Отдельно стоит выделить некоторые нормы, установленные в Законе Республики Марий Эл от 26 октября 1995 г. № 290-III «О языках в Республике Марий Эл» (с изменениями на 10.03.2011 г.). Например, в Законе предусмотрен подбор руководителей и работников образовательных учреждений с учетом знания языка обучения и воспитания, принятого в данном учреждении (ст. 39).

Среди прочего в законах о языках присутствуют положения, связанные с языковыми квалификационными характеристиками работников, должностных лиц, а также вопросы стимулирования повышения квалификации персонала, в том числе государственных служащих, в сфере родных языков народов Российской Федерации.

В Законе РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями на 12.03.2014 г.) не предусмотрены нормы в области использования родных языков в науке и культуре. В республиканских же законах о языках они присутствуют.

Анализ показал, что в 12 республиканских законах о языках заявлены положения в области науки, в 10 — в области культуры.

Исследование показало, что статьи региональных законов содержат преимущественно рамочные положения, регулирующие аспекты родных языков в научной деятельности, а именно вопросы создания условий для научных исследований языков и их диалектов; свободного выбора языка научных работ; издания научной литературы и

пропаганды достижений науки; в периодических научных изданиях – вопросы основных положений научных результатов на государственных языках республик и др.

Отмечается тот факт, что в региональном законодательстве о языках отсутствуют положения, которые что-либо вменяют в обязанность или устанавливают какие-либо четкие требования. Это обусловлено прежде всего тем, что федеральное законодательство о науке не содержит положений, связанных с использованием родных языков в данной сфере. Более того, в настоящее время активно ведутся дискуссии о возможности приравнять родные языки народов Российской Федерации к иностранным языкам, например, в случае подготовки и защиты диссертационного исследования, что противоречит требованиям ВАКа.

Как и в случае с научной деятельностью, языковая политика в сфере культуры не имеет четкой регламентации в законодательстве республик, включенные в нормативную базу положения носят рекомендательный характер. Отсутствуют установленные требования и не определена мера ответственности за их невыполнение.

В ряде законов о языках предусмотрено содействие национально-культурному развитию народов и поддержка языков за пределами республик. Так, в законах республик Калмыкия, Тыва, Башкортостан, а также Удмуртской, Чеченской, Чувашской и Кабардино-Балкарской республик регламентировано проявление заботы об удовлетворении потребностей соотечественников, проживающих за пределами данных республик.

Таким образом, существует целесообразность гармонизации законодательства о языках отдельных субъектов Российской Федерации с нормами Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями на 12.03.2014). При этом отмечается, что с позиций нормотворческого процесса полное или частичное дублирование юридических норм федерального уровня на уровень региональный нецелесообразно.

Очевидна необходимость дальнейшего совершенствования региональных законов о языках с учетом принципов адекватного отражения нормативно-правовых потребностей и ретрибутивной обеспеченности, отражающие наличие и реальную действенность санкций, которые определяют содержание и реальную функциональную силу принципа неотвратимости юридической ретрибуции.

Список литературы

1. Дагиев А. В Дагестане сделают государственными 32 языка [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/02/03/reg-skfo/yaziki-anons.html> (дата обращения 10.08.2019).

2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20605> (дата обращения 10.08.2019).

3. Крохина Ю.А. Правотворчество субъектов Российской Федерации в бюджетной сфере // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 71.

4. Мальцева А.А., Лапушинская Г.К., Баженова Т.Ю. Нормативно-правовой статус и регулирование родных языков в республиках Российской Федерации // Электронный научно-практический журнал «ИнноЦентр». 2018. Выпуск № 3(20). С. 78 - 84. URL: [http://innoj.tversu.ru/Vipusk3\(20\)2018/10%20-%20Мальцева.pdf](http://innoj.tversu.ru/Vipusk3(20)2018/10%20-%20Мальцева.pdf) (дата обращения 10.08.2019).

5. Ниналалов С. Языки вне закона [Электронный ресурс]. URL: http://kavpolit.com/articles/jazyki_vne_zakona-10643/ (дата обращения 10.08.2019).

6. Чеботарев Г.Н. Федеральное и региональное законодательство: единство и различие // Пять лет региональному законодательству: проблемы, опыт, перспективы / под ред. Н.П. Марова, В.А. Юдашкина. Тюмень, 1999. С. 283 - 284.

CURRENT STATE AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF LANGUAGE LEGISLATION IN THE REPUBLICS OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. A. Maltseva, E. V. Klyushnikova

Tver State University

O. A. Popova

Foundation for support of legal culture, Moscow

The article provides an overview of the current state of language legislation in the republics of the Russian Federation, highlights the key features of certain regulations. The proposed article provides an overview of certain contradictions and lacunae that have been identified in the study of the regulatory framework for the functioning of the native languages of the nations of the Russian Federation at the regional level. In particular, the problem of the lack of a language law in certain republics of the Russian Federation is highlighted. In addition, certain language normative acts of the republics contain legal norms that could be replicated as best practices in other subjects of the Russian Federation. The authors make proposals aimed at improving the regulatory framework of the regional language policy and their harmonization with Federal legislation.

Keywords: *native language, the language act, official language, language legislation, a legal requirement, indigenous nations, bilingualism, language policy.*

Об авторах:

МАЛЬЦЕВА Анна Андреевна - кандидат экономических наук, доцент, директор Научно-методического центра по инновационной деятельности высшей школы им. Е.А. Лурье ТвГУ, (Россия, Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: 80179@list.ru.

MALTSEVA Anna - candidate of economic sciences, Associate Professor, Director of Lurye Scientific and Methodological Center for Higher School Innovative Activity of Tver State University (170100, Tver, Zelyabova street, 33), E-mail: 80179@list.ru.

КЛЮШНИКОВА Елена Валерьевна - старший научный сотрудник УНИ Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: stanislav219@yandex.ru.

KLYUSHNIKOVA Elena - Senior Scientific Researcher in office of scientific research of Tver State University (170100, Tver, Zelyabova street, 33), e-mail: stanislav219@yandex.ru.

ПОПОВА Ольга Александровна – генеральный директор, Фонд поддержки правовой культуры, г. Москва, e-mail: mail@фпк.рф

POPOVA Olga – Director General, Foundation for support of legal culture, Moscow, e-mail: mail@фпк.рф

Мальцева А.А., Ключникова Е.В., Попова О.А. Современное состояние и направления совершенствования языкового законодательства в республиках Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 77 – 85.

УДК 339.9

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
В СВЕТЕ ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ
ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА**

А. А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются отдельные моменты развития Евразийского экономического союза в соотношении с коммуникативной теорией немецкого философа Ю. Хабермаса и практикой формирования Европейского союза. Отмечена роль бизнес-сообщества в процессе разработки Таможенного кодекса Евразийского экономического союза как своеобразное выражение субъект-субъектной коммуникативной платформы в евразийской интеграции.

***Ключевые слова:** экономическое сотрудничество, таможенное законодательство, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, евразийская интеграция, участники внешнеэкономической деятельности.*

Международное разделение труда, ограниченность ресурсов, развитие науки и техники усиливают обмен товарами, услугами, капиталом и рабочей силой между государствами, поэтому в эпоху глобализации становится естественным процессом отказ от изолированности государств посредством их включения в различные формы интеграции.

В настоящее время государства в целях развития наиболее выгодной внешней торговли становятся членами различных международных торговых и экономических организаций, проводят форумы в целях заключения крупных внешнеторговых контрактов, а также создают зоны свободной торговли, таможенные и экономические союзы.

Евразийский экономический союза (далее – ЕАЭС) – яркий пример долголетнего и плодотворного развития интеграционного процесса на евразийском пространстве, когда государства, ранее входившие в состав унитарного государства, предприняли попытку объединить лишь экономический потенциал своих территорий.

В образовании и развитии ЕАЭС можно проследить философские основания и связать их с коммуникативной теорией немецкого философа Юргена Хабермаса, который тщательно анализировал практику конструирования Европейского союза. Только Европейский союз в итоге стал не просто экономическим союзом, но и политическим.

Ю. Хабермас обращал внимание на то, что «глобализация средств сообщения и коммуникаций, экономического производства и его

финансирования, продажи технологий и оружия, а прежде всего – экологической и военной опасности ставит перед нами проблемы, которые уже не могут быть разрешены в национально-государственных рамках или общепринятым донныне способом заключения соглашений между суверенными государствами. Все говорит о том, что ослабление национально-государственного суверенитета будет продолжаться и потребует создания и расширения возможностей политического действия на наднациональном уровне»¹.

ЕАЭС нацелен только на экономическое сотрудничество. Так, в ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС) указано, что в рамках ЕАЭС обеспечиваются свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики².

В Договоре о ЕАЭС не предусмотрена возможность создания политических наднациональных институтов, а только наднациональных структур для достижения экономических целей, указанных в ст. 4 Договора о ЕАЭС:

—создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;

—стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;

—всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Рассуждая о перспективах развития интеграционного объединения, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Т. Саркисян отметил, что «важно выстраивать эффективную систему управления, которая, с одной стороны, будет принимать решения быстро и оперативно, а с другой стороны, будет обладать доверием людей и выстраивать диалог с национальными правительствами»³.

В этой связи актуальным становятся рассуждения Хабермаса о том, что «место частноправовой модели договора между субъектами рынка

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2008. С. 199.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 15.03.2018 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>

³ ЕАЭС: формируя общее пространство совместного гармоничного роста // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/#about-media> (дата обращения: 07.06.2019 г.).

занимает совещательная практика участников коммуникативного процесса, которые хотели бы принимать разумно мотивированные решения. Формирование общественного мнения и политической воли осуществляется не только в форме компромиссов, но и по модели публичных дискурсов, нацеленных на рациональную приемлемость правил в свете обобщенных интересов, разделяемых всеми ценностных ориентаций и обоснованных принципов. При этом такое неинструментальное понятие политики опирается на понятие субъекта коммуникативного действия. Дискурсивно организованный процесс правополагания и поиска политических решений, который все это сохраняет, должен наряду с заявленными предпочтениями учитывать также ценности и нормы»⁴.

С учетом накопленного совместного опыта и дальнейшим развитием евразийской интеграции потребовалось изменение таможенного законодательства. Так, с 01.01.2018 г. вступил в силу новый Таможенный кодекс ЕАЭС, вследствие этого гармонизация должна была коснуться и национального таможенного законодательства. Поэтому в Российской Федерации был принят новый Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 289)⁵.

Снова обращаясь к теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, необходимо отметить, что «ключевым направлением социальной философии Хабермаса является возможность конструирования свободных от принуждения и идеологии способов социального бытия. Основным условием воплощения этой программы в действительность Хабермас считает значительную трансформацию рациональности от субъект-объектной к субъект-субъектной коммуникативной платформе. В воплощении в жизнь подобной платформы ключевая роль отведена "общественности" как совокупному субъекту, воспроизводящему рациональные формы совместной деятельности всех членов сообщества. Свободные ассоциации гражданского общества, действующие как формы "общественности", ориентированы на конструирование и распространение политических и моральных убеждений. В рамках дискурса свободные ассоциации раскрывают содержание общественных проблем, интерпретируют существующие ценности и нормы, создают предпосылки для их

⁴ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 244-245.

⁵ Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 01.05.2019 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32. Ст. 5082.

обновления, а в итоге способствуют реконструкции политических и социальных институтов»⁶.

В связи с модернизацией таможенного законодательства появилась такая форма участия общественности в конструировании политической, социально-экономической реальности в рамках евразийской интеграции, как совместное обсуждение проектов правовых актов. Так, в обсуждении положений нового таможенного законодательства впервые приняло участие бизнес-сообщество.

Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Т. Саркисян отметил, что «Таможенный кодекс ЕАЭС – основополагающий свод правил регулирования внешнеэкономической деятельности для всех стран «пятерки». Кодекс неоднократно обсуждался на уровне глав правительств, и в конце 2016 г. проект был утвержден президентами наших стран. Этот документ был подготовлен совместно с деловым сообществом, и в нем максимально учтена позиция евразийского бизнеса – в ТК ЕАЭС вошли 70% поступивших от предпринимателей предложений и инициатив»⁷.

Представитель Российского союза предпринимателей и промышленников (далее – РСПП) А. Гуляев сообщил, что процесс учета мнения участников внешнеэкономической деятельности (далее – участники ВЭД) происходил следующим образом: «... первичные предложения от бизнес-сообщества принимал секретариат, потом они обсуждались на уровне консолидированного взаимодействия крупнейших бизнес-ассоциаций (РСПП, "Деловая Россия", Торгово-промышленная палата (ТПП), "Опора России"). После этого начиналось взаимодействие с государственными органами. Если переговоры не удавались, то выходили на руководителей ведомств. Эксперт подчеркнул, что хотелось бы увидеть в кодексе больше прямых положений, но необходимо было идти на компромиссы: включать отсылочные нормы к национальному законодательству и актам Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК)»⁸.

В подготовке проекта ТК ЕАЭС участвовало около 400 экспертов из различных министерств, ведомств, бизнес-сообщества стран –

⁶ Сладкова А.А. Проблема социальной легитимации в западной философии второй половины XX – начала XXI века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Тверь, 2015. С. 27 – 28.

⁷ С началом 2018 г. в странах Евразийского экономического союза вступит в силу новый Таможенный кодекс ЕАЭС // Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. URL: // <http://xn--o1aabe.xn--p1ai/viewpoint/view/977>.

⁸ «Компромиссный документ»: эксперты обсудили проект таможенного кодекса ЕАЭС // Информационный портал Право.ru URL: <https://pravo.ru/story/view/136610/>.

участниц ЕАЭС и ЕЭК. Результатом напряженного труда стал объемный акт из 500 статей. Принимая такие объемные нормативные акты, тяжело учесть абсолютно все пожелания заинтересованных сторон. Документ написан сложным юридическим языком, и бытовое понимание некоторых положений приходит не сразу. Разнородная команда разработчиков породила неравномерную детализацию норм в кодексе. Так, некоторые вещи обрываются на общих фразах и подходах, а другие описываются более чем подробно»⁹.

Практика обсуждения правовых актов в сфере таможенного дела продолжает применяться и на уровне национального законодательства. Например, разработанный с учетом предложений бизнес-сообщества проект Стратегии развития таможенной службы до 2030 г. был представлен деловым кругам 3 июля 2019 г. в ходе совместного заседания Экспертно-консультативного совета по реализации таможенной политики (ЭКС) и Общественного совета при ФТС России¹⁰.

Также к одной из форм коммуникации между государственными органами и общественностью можно отнести ежегодное проведение Федеральной таможенной службой Международного таможенного форума, в рамках которого «представители государственной власти и бизнеса собираются на одной площадке для обмена опытом и обсуждения новых инициатив в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного администрирования»¹¹.

Так, формирование наднациональных экономических структур в целях развития внешней торговли, упрощения таможенных формальностей и должно происходить снизу, т.е. в результате потребностей участников ВЭД, а не только по усмотрению политических институтов. Мероприятия по развитию экономического союза, гармонизации и упрощению административных формальностей, обнулению таможенных пошлин должны быть продиктованы интересами участников ВЭД, так как именно они являются двигателями внешней торговли, они производят конкурентоспособные товары и они должны быть уверены, что смогут их реализовать не только на внутреннем рынке страны, но и на мировом, тем самым обеспечить

⁹ «Компромиссный документ»: эксперты обсудили проект таможенного кодекса ЕАЭС // Информационный портал Право.ru URL: <https://pravo.ru/story/view/136610/>.

¹⁰ Проект Стратегии развития российской таможни до 2030 года рассмотрен бизнес-сообществом // Официальный сайт Федеральной таможенной службы URL: <http://www.customs.ru/press/federal/document/193902> (дата обращения: 05.07.2019 г.).

¹¹ О форме 2019 // Официальный сайт Международного таможенного форму. URL: <https://xn----7sbpdqpefaggypzm3i.xn--p1ai/about/>.

положительное торговое сальдо и платежный баланс страны и поступление валютной выручки от экспортных операций.

Таким образом, в формировании евразийской экономической интеграции можно усмотреть воплощение идей теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса с ориентацией на участие бизнес-сообщества в разработке основополагающих документов в сфере таможенного регулирования как наднационального, так и национального уровня. При этом сбываются предположения немецкого философа о переносе акцента с национального регулирования на уровень наднационального. В рамках ЕАЭС в настоящее время реализуется экономическое сотрудничество, которое должно достичь своего апогея в результате введения единой валюты.

А.С. Пешеньков при сравнении ЕС и ЕАЭС обращает внимание на то, что ядро Евросоюза образовали страны, для которых характерна культурно-цивилизационная общность, тогда как страны, входящие в СНГ и ЕАЭС, расположены на разных мировых регионах и характеризуются намного более широким разбросом в плане культурно-цивилизационных различий¹².

М.Э. Байсалбекова отмечает, что страны-члены ЕАЭС обладают единым набором ценностей, имеют единую историю, мы все еще не можем говорить о единой евразийской цивилизации, поскольку пока еще отсутствует единое культурное, историческое, информационное и цивилизационное поле. При этом формирование единой евразийской идентичности должно происходить посредством процессов культурного взаимодействия¹³.

Н.В. Мотрошилова отмечает, что Хабермас в идее по объединению Европы большое внимание уделил проблеме идейно-ценностного обеспечения европейского сотрудничества, но вопросы реальной политики и ее приоритеты не позволили сформировать государство народов¹⁴.

Хабермас полагал, что в дополнение к валютному союзу, Общему рынку и другим институционально-правовым объединениям европейцы

¹² Пешеньков А.С. Сравнительный анализ ЕС и ЕАЭС // Материалы международ. науч.-практ. конф. «Евразийская интеграция на постсоветском пространстве и незападные сценарии регионализации. Тюмень, 17 ноября 2017 г. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2018. С. 82.

¹³ Байсалбекова М.Э. Межкультурная коммуникация на евразийском пространстве: история и современность // Материалы международ. науч.-практ. конф. «Евразийская интеграция на постсоветском пространстве и незападные сценарии регионализации. Тюмень, 17 ноября 2017 г. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2018. С. 108

¹⁴ Мотрошилова Н.В. Юрген Хабермас: что происходит с Европой? // Современная Европа. 2008. №4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurgen-habermas-chto-proishodit-s-evropoy> (дата обращения: 13.08.2019).

должны создать «надстройку» государственно-правового характера, а именно общеевропейское государство, располагающее своими институтами и своей конституцией, которая должна быть добровольно одобрена входящими в это государство народами.

Хабермас в политической работе «Ах, Европа» указал, что европейская политика оказалась в тупике в силу того, что не учитывалось мнение населения, вследствие чего возник демократический дефицит.

Если подробно не сравнивать историю формирования ЕС и ЕАЭС, можно сделать вывод о том, что цели создания данных союзов изначально были одинаковые – экономические, только потом ЕС трансформировался в политический союз, но с последующими отступлениями от намеченного плана по принятию общеевропейской Конституции.

В рамках ЕАЭС в настоящее время предпринимаются попытки по углублению экономического сотрудничества, но эти попытки должны будут достигнуть максимальной эффективности с введением единой валюты на территории ЕАЭС. При этом экономическое сотрудничество между странами-участницами ЕАЭС является необходимым и целесообразным в условиях торговых войн и экономических санкций. Но идея о политическом союзе и единой евразийской идентичности, на наш взгляд, в настоящее время представляется утопичной.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 15.03.2018 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>.
2. Соглашение стран СНГ от 15.04.1994 г. «О создании зоны свободной торговли» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 01.05.2019 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32. Ст. 5082.
4. Байсалбекова М.Э. Межкультурная коммуникация на евразийском пространстве: история и современность // Материалы международ. науч.-практ. конф. «Евразийская интеграция на постсоветском пространстве и западные сценарии регионализации. Тюмень, 17 ноября 2017 г. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2018.
5. Пешеньков А.С. Сравнительный анализ ЕС и ЕАЭС // Материалы международ. науч.-практ. конф. «Евразийская интеграция на

постсоветском пространстве и незападные сценарии регионализации. Тюмень, 17 ноября 2017 г. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2018.

6. Мотрошилова Н.В. Юрген Хабермас: что происходит с Европой? // Современная Европа. 2008. №4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurgen-habermas-chto-proishodit-s-evropoy> (дата обращения: 13.08.2019).

7. Сладкова А.А. Проблема социальной легитимации в западной философии второй половины XX – начала XXI века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Тверь, 2015. – 185 с.

8. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – 2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2008. – 417 с.

9. ЕАЭС: формируя общее пространство совместного гармоничного роста // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/#about-media> (дата обращения: 07.06.2019 г.).

10. С началом 2018 г. в странах Евразийского экономического союза вступит в силу новый Таможенный кодекс ЕАЭС // Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. URL: <http://xn--o1aabe.xn--p1ai/viewpoint/view/977>.

11. «Компромиссный документ»: эксперты обсудили проект таможенного кодекса ЕАЭС // Информационный портал Право.ru URL: <https://pravo.ru/story/view/136610/>.

12. Проект Стратегии развития российской таможни до 2030 года рассмотрен бизнес-сообществом // Официальный сайт Федеральной таможенной службы URL: <http://www.customs.ru/press/federal/document/193902> (дата обращения: 05.07.2019 г.).

13. О форме 2019 // Официальный сайт Международного таможенного форму. URL: <https://xn----7sbpdqrefaggyzpm3i.xn--p1ai/about/>.

PHILOSOPHICAL BASES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE LIGHT OF THE THEORY OF COMMUNICATIVE ACTION OF JURGEN HABERMAS

A. A. Sladkova
Tver State University

The article deals with some aspects of the development of the Eurasian economic Union in relation to the communicative theory of the German philosopher J. Habermas and the practice of the formation of the European Union. The role of the business community in the development of the Customs code of the Eurasian

economic Union as a kind of expression of the subject-subject communicative platform in the Eurasian integration is noted.

Keywords: *economic cooperation, customs legislation, the theory of communicative action of Yu. Habermas, Eurasian integration, participants of foreign economic activity.*

Об авторе

СЛАДКОВА Алена Александровна – доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, e-mail: sladkova.alen@yandex.ru

Sladkova Alena – PhD, associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of professional activity of the Law Department, Tver State University. E-mail: sladkova.alen@yandex.ru

Сладкова А.А. Философские основания формирования и развития Евразийского экономического союза в свете теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 86 – 94.

УДК 34(470) «18» + 37

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КАЧЕСТВЕ
КАНАЛА ВЕРТИКАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1801 – 1860 ГОДАХ:
НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА И ПРАКТИКА
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

С. Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются организационно-правовые аспекты процесса формирования в России на протяжении первых шести десятилетий XIX в. образования в качестве самостоятельного канала вертикальной социальной мобильности.

Ключевые слова: Российская империя, правовой статус человека, сословие, социальная мобильность, образование, университет.

Актуальность заявленной темы определяется непрерывно повышающейся ролью образования в современном обществе. Внимание к историко-правовым аспектам феномена образования как канала вертикальной социальной мобильности в период его генезиса в России позволяет достичь в рамках исследования целей как теоретического, так и прикладного характера.

Настоящее исследование опирается на достижения в философии права, общей теории права, теории конституционного (государственного) права, теории управления. Эти достижения представлены трудами С.А. Авакьяна, С.С. Алексеева, С.И. Архипова, М.В. Баглая, Н.В. Витрука, Л.Д. Воеводина, А.Д. Градовского, С.Г. Киселева, Б.А. Кистяковского, А.И. Коваленко, Е.И. Козловой, В.М. Корельского, Н.М. Коркунова, С.П. Кострикова, О.Е. Кутафина, Е.А. Лукашевой, А.А. Малиновского, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, В.С. Нерсесянца, В.Д. Перевалова, Р.А. Ромашова, В.В. Таболина, Е.Н. Трубецкого, Б.Н. Чичерина и других отечественных специалистов, а также трудами зарубежных правоведов.

Метод исследования в настоящей работе, базирующийся на цивилизационном подходе, включает в свой состав диалектический, исторический, формально-юридический, критико-правовой и некоторые другие методы.

Отметим, что в рамках историко-правовой науки отдельные аспекты указанной проблематики подвергались изучению, хотя комплексные исследования практически отсутствуют.

Начало XIX в. было ознаменовано значительными переменами в организационно-правовом механизме социальной мобильности. Существенно возросла роль образования, что позволяет, по нашему

мнению, говорить об образовании как о новом канале социальной мобильности. Какие новации в отношении образования как института социальной мобильности принесло с собой девятнадцатое столетие по сравнению с семнадцатым и восемнадцатым веками?

Известны факты создания и функционирования различных учебных заведений в XVII в. (училище при Андреевском монастыре, школа при Заиконоспасском монастыре, школа при Печатном дворе и др.)¹. Общеизвестны мероприятия Петра I и другие аналогичные меры российского правительства в XVIII в. по развитию сети образовательных учреждений и по стимулированию представителей дворянского сословия к обучению.

Если мы посмотрим на биографии видных представителей российской элиты конца восемнадцатого столетия, то заметим неоспоримый факт достаточно высокого уровня их образования. Речь идет не только о деятелях науки, литературы и искусства, таких, как Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин и многих других, но и о видных государственных служащих. Приведем несколько примеров. Так, Г.А. Потемкин обучался в частном пансионе И.-Ф. Литке, гимназии Московского университета, Московском университете. А.В. Суворов, помимо домашнего образования, обучался в Санкт-Петербургском кадетском корпусе. Граф А.С. Строганов слушал лекции в университетах Швейцарии, Италии, Франции. М.И. Голенищев-Кутузов кроме домашнего образования прошел обучение в Артиллерийской и инженерной школе.

Однако мы полагаем, что вплоть до начала XIX в. система образования была рассчитана на обеспечение обучения прежде всего лиц дворянского и духовного сословий и отдельных групп из непривилегированных сословий. При этом обучение носило в значительной степени «специализированный» характер, т.е. было прямо рассчитано на выполнение обучающимися-выпускниками функций по службе в соответствии со своей сословной ролью и с сохранением своей сословной принадлежности. Изменение сословной принадлежности лиц, бывшее нередким явлением в первые два десятилетия XVIII в., происходило, как правило, не вследствие их личной инициативы и их образовательного уровня, а вследствие решения государственного органа. Обучение как бы «подкрепляло» соответствующее решение.

Вплоть до начала правления императора Александра I в России существовал только Московский университет с относительно небольшим количеством студентов; в нем обучалось примерно сто

¹ История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Боханов, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин, А.Н. Сахаров, В.А. Шестаков: под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Изд-во АСТ, 2018. С. 512 – 513.

человек. В целом в стране количество учебных заведений, которые можно считать высшими или приравнять к высшим, составляло 15, а численность обучающихся – около 3 тысяч человек, при этом преподавательский корпус насчитывал примерно 250 человек.² Полагаем, что указанные цифры являются максимальными из тех, которые можно обосновать. Университетское образование на рубеже XVIII – XIX вв. было физически недоступно почти всему населению Российской империи, включая большинство дворян.

Развитие системы образования России проходило в первые годы XIX в. в существенно изменившихся политических и правовых условиях. Так, указом о вольных хлебопашцах 1803 г. законодатель сформировал механизм групповой вертикальной социальной мобильности по инициативе не государственной власти, а самих подданных. Были расширены права в различных сферах общественной жизни представителей непривилегированных сословий. В 1816 – 1819 гг. были освобождены от крепостной зависимости крестьяне трех прибалтийских губерний³.

Впервые в истории России было учреждено министерство народного просвещения, созданы первые училища для людей с ограниченными возможностями здоровья, были открыты новые университеты. Для оптимизации управления образованием в стране были созданы шесть учебных округов.

Был основан Петербургский педагогический институт, ставший в дальнейшем базой Санкт-Петербургского университета. К 1815 г. были открыты Харьковский и Казанский университеты, Дерптский, Виленский, Гельсингфорский университеты (на базе ранее существовавших иностранных учебных заведений), а также Варшавский университет. В 1803 – 1804 гг. император подписал новые университетские уставы⁴. Университеты функционировали не только в качестве высших учебных заведений, но и в качестве центров управления подведомственными учебными заведениями, что прямо закреплялось нормативными актами⁵.

² Змеев В.А. Развитие российской высшей школы (XVIII – начало XX века). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.

³ Исаев И.А. История государства и права России: учеб. пособие для бакалавров. М.: Проспект, 2019. С. 129.

⁴ Жарова Е.Ю. Университетские уставы 1803 – 1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268 – 290.

⁵ Высочайше утвержденный доклад Главного училищ правления «Об уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов и подведомых оным учебных заведениях» от 5 ноября 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVIII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии. 1830. № 21 497; Устав учебных заведений, подведомых университетам от 5 ноября 1804 г. // Полное собрание

Обучение части студентов в университете оплачивало государство; другая же часть училась и питалась за свои средства (своекоштные студенты).

Были основаны и другие высшие учебные заведения. Часть из них были сословными. Например, Царскосельский лицей был дворянским учебным заведением; в нем учились дети как высокопоставленных титулованных столичных фамилий, так и дети провинциальных небогатых дворян. Лицей стал отличной стартовой площадкой: хорошее образование, высокий авторитет заведения обеспечивали профессиональный успех его выпускникам.

Одновременно продолжали функционировать ранее созданные высшие учебные заведения, рассчитанные на обучение представителей разных сословий. В Медико-хирургическую академию, которая работала сразу в двух городах – Санкт-Петербурге и Москве, принимали на обучение даже мещан и государственных крестьян, т.е. людей из податных сословий. Принимали лиц из податных сословий и в академию художеств.

Применительно к концу первой четверти XIX в. в научной литературе приводятся следующие цифры: в 8 учебных заведениях университетского типа, 3 технических и 2 военно-технических высших учебных заведениях, не считая высших учебных заведений, открытых в те годы, но просуществовавших относительно краткое время⁶. В научной литературе отмечается и такое обстоятельство, как формирование в первые десятилетия XIX в. студенчества как особой социальной группы⁷.

Система высшего образования продолжала развиваться во второй половине XIX в. В 1831 г. по политическим соображениям были закрыты Варшавский и Виленский университеты. В 1833 г. открылся Киевский университет.

Оценивая итоги развития системы высшего образования в Российской империи за первую половину XIX в., отметим сочетание позитивных и негативных явлений.

Перемены в образовательной инфраструктуре произошли значительные, примеры профессионального успеха выпускников университетов и других вузов были многочисленны, однако сохранялись и проблемы. Одна из ключевых – доступность: имелось примерно двадцать вузов на всю огромную страну. Особенно острой

законов Российской империи Т. XXVIII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии. 1830. № 21 501.

⁶ Кукушкина Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

⁷ Там же.

оставалась проблема географической (территориальной) доступности высшего образования для населения азиатской части Российской империи. Самым восточным российским университетом был Казанский. Расстояние от Казани до восточных рубежей государства составляло более пяти тысяч километров.

Оставалась проблема доступности и в плане количества учебных мест. Численность студентов в университетах в первые десятилетия выросла, но оставалась не очень большой. Например, в Московском – несколько сотен человек на всех курсах, а к 1831 г. – чуть более 800 человек, что составляло почти 30 % всех студентов российских университетов⁸. К 1848 г. число студентов Московского университета превысило 1 100 человек.⁹ В целом правительство во второй четверти XIX в. сдерживало рост университетского студенческого контингента и принимало меры по сокращению доли студентов из непривилегированных сословий. Некоторые указанные ограничительные меры были отменены во второй половине 50-х гг. XIX в.

Тем не менее университетское образование все более выступало в качестве необходимого условия успешного продвижения по социальной лестнице. Особенно это было актуальным для лиц, чье происхождение ограничивало возможности повышение социально-правового положения. Так, Ф.Н. Плевако, имевший статус незаконнорожденного, закончив в 1850-х гг. Московскую гимназию и получив высшее юридическое образование в Московском университете, смог реализовать хорошую профессиональную карьеру.

Понятно, что система высшего образования не могла решить задачу доступности образования, тем более для лиц податных сословий. Верховная государственная власть как в начале XIX в., так и на протяжении всей его первой половины предпринимала усилия по развитию системы среднего образования.

В столицах и провинциальных городах открывались средние учебные заведения, в том числе гимназии. При этом в первые годы девятнадцатого столетия гимназии открывались как бесплатные всесословные учебные заведения. Нормативной основой их работы являлись Устав учебных заведений, подведомых университетам от 5 ноября 1804 г. и иные нормативные акты. Согласно уставу, в каждом губернском центре должна была функционировать гимназия. Прием в нее был открыт для учеников «всякого звания», обладавших

⁸ История России с древнейших времен до наших дней. С. 1010.

⁹ Аврус А.В. История российских университетов. Очерки. М.: Моск. общ. науч. фонд, 2001.

необходимым уровнем знаний¹⁰. В уездных центрах и других населенных пунктах создавались училища.

В качестве примера средних учебных заведений, открытых в начале столетия, назовем Московское коммерческое училище, основанное в 1804 г. Работа некоторых учебных заведений стала возможной благодаря меценатам. Так, в 1804 г. в Ярославле было создано Демидовское училище высших наук на средства ученого П.Г. Демидова. В 1804 г. открылась гимназия в Твери.

Законодательная политика была направлена на официальное закрепление образования в качестве критерия при поступлении на государственную службу или при продолжении ее несения. Наиболее известные меры были предприняты в начале XIX в., они связаны с именем М.М. Сперанского. Законодатель в 1809 г. установил требование к государственным служащим о подтверждении ими своего образовательного уровня путем предъявления диплома об образовании или сдачи обязательных экзаменов¹¹. В данном случае нас интересует не фактически введенный институт аттестации, а официально подтвержденная роль образования как условия прохождения государственной службы.

Мы должны учитывать и ряд дополнительных обстоятельств. Карьера на государственной службе являлась основным способом повышения потомственным дворянином своего положения внутри дворянского сословия. Достижение определенных рангов на службе открывало, как известно, для личных дворян (и для представителей некоторых других категорий населения) возможности получения потомственного дворянства. Таким образом, введение процедуры подтверждения государственными служащими уровня своего образования превращало образование в необходимое условие повышения индивидуального правового статуса.

Образование способствовало карьере на государственной службе, но не только в органах управления, но и, говоря современным языком, в учреждениях социальной сферы. Сын часового мастера, российский подданный всего во втором поколении Ф.А. Анжу избрал медицинскую службу. Первоначальное медицинское образование получил в России, затем учился в Берлине и Гёттингене, трудился в Клину, Вышнем

¹⁰ Устав учебных заведений, подведомых университетам от 5 ноября 1804 г., (ст. 14) // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVIII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии. 1830. № 21 501.

¹¹ Именной указ, данный Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» от 6 августа 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXX. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии. 1830. № 23 771.

Волочке, Санкт-Петербурге. Получил потомственное дворянство, обеспечив тем самым своим сыновьям возможность восхождения к вершинам служебной карьеры¹². При этом П.Ф. Анжу, будущий адмирал, получил образование в Морском кадетском корпусе.

Н.М. Коркунов, рассматривая способы получения дворянского достоинства лицами из других сословий, отмечает, что лицам с университетским образованием, особенно в учебном ведомстве, было проще достигать высоких чинов, которые давали право на потомственное дворянство¹³. Б.Н. Миронов прямо называет ученую степень доктора новым, возникшим в 1806 г. способом приобретения дворянства¹⁴.

Полагаем изложенные выше факты свидетельством превращения образования в самостоятельный канал вертикальной социальной мобильности.

Отметим и еще один факт, характеризующий изменение роли образования в течение первых шести десятилетий XIX в. Иностранцы, принимавшие в рассматриваемый период российское подданство и рассчитывавшие на профессиональную карьеру, обладали хорошим уровнем образования. К моменту начала русской службы у молодого Е.Ф. Канкрин, будущего министра финансов, было хорошее европейское образование – в университетах Гисена (Гиссена) и Марбурга. Приглашенный в 1803 г. в Россию будущий ректор Санкт-Петербургского университета М.А. Балугьянский имел к этому моменту в своем «активе» обучение в Венгерской королевской академии и Венском университете.

Таким образом, реорганизация социальной структуры и государственного управления, модернизация системы образования Российской империи привели к изменению организационно-правового механизма изменения индивидуального правового статуса. Новацией стало превращение в 1801 – 1860 гг. образования в самостоятельный канал вертикальной социальной мобильности. В сфере образования существенно расширились возможности по построению образовательных траекторий самими обучающимися, влиявшие, в свою очередь, на модификацию индивидуального правового статуса.

¹² Смирнов С.Н. Общество. Право. Война. История государственно-правового развития и социальной стратификации Российской империи и западноевропейских стран в контексте военно-политических конфликтов 1806 – 1815 годов: науч.-попул. монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 39.

¹³ Коркунов Н.М. Русское государственное право Т. I. Введение и общая часть. 6-е изд. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1908. С. 290 – 291.

¹⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. – 3-е изд. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 84.

Список литературы

1. Аврус А.В. История российских университетов. Очерки. М.: Моск. общ. науч. фонд, 2001.
2. Высочайше утвержденный доклад Главного училищ правления «Об уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов и подведомых оным учебных заведениях» от 5 ноября 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVIII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии. 1830. № 21 497.
3. Жарова Е.Ю. Университетские уставы 1803 – 1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268 – 290.
4. Змеев В.А. Развитие российской высшей школы (XVIII – начало XX века). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.
5. Именной указ, данный Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские ассессоры и статские советники» от 6 августа 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXX. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии. 1830. № 23 771.
6. Исаев И.А. История государства и права России: учеб. Пособие для бакалавров. М.: Проспект, 2019.
7. История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Боханов, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин, А.Н. Сахаров, В.А. Шестаков: под ред. А.Н. Сахарова. М.: Изд-во АСТ, 2018.
8. Коркунов Н.М. Русское государственное право Т. I. Введение и общая часть. 6-е изд. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1908.
9. Кукушкина Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.
10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. – 3-е изд. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.
11. Смирнов С.Н. Общество. Право. Война. История государственно-правового развития и социальной стратификации Российской империи и западноевропейских стран в контексте военно-политических конфликтов 1806 – 1815 годов: науч.-попул. монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
12. Устав учебных заведений, подведомых университетам от 5 ноября 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVIII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии. 1830. № 21 501.

**OF THE ISSUE OF THE FORMATION OF EDUCATION
AS A CHANNEL OF VERTICAL SOCIAL MOBILITY
IN THE RUSSIAN EMPIRE IN 1801-1860: REGULATORY
FRAMEWORK AND OPERATIONAL PRACTICES**

S. N. Smirnov
Tver State University

The article deals with organizational and legal status of the formation process of education as an independent channel of vertical social mobility in Russia during first six decades of the XIX century.

Keywords: Russian Empire, person's legal status, class, social mobility, education, university.

Об авторе

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), email: smirnov-sn@yandex.ru

SMIRNOV Sergey – PhD, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), email: smirnov-sn@yandex.ru

Смирнов С. Н. К вопросу о формировании образования в качестве канала вертикальной социальной мобильности в Российской Империи в 1801 – 1860 гг.: нормативная основа и практика функционирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 95 – 103.

УДК 343.7(460)

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ (ОПЫТ КОРОЛЕВСТВА ИСПАНИЯ)

А. М. Трофимец

МВД России в Королевстве Испания, г. Мадрид

В статье показан законодательный и правоприменительный опыт Испании в борьбе с использованием криптовалюты в незаконной деятельности. Автором рассматриваются возможные способы выявления преступлений с использованием криптовалюты, применяемые испанскими правоохранительными органами.

***Ключевые слова:** криптовалюта, виртуальная валюта (виртуальные деньги), биткойны, блокчейны, даркнет, отмывание денег, оперативно-розыскные мероприятия.*

Термин «криптовалюта» применяется как синоним термина «виртуальная валюта». Объяснение находим в связи с криптографией, технологией шифрования, которая составляет алгоритм работы и гарантирует безопасность, отличающие ее от обычных бумажных денег, основанных на доверии.

Возникнув в 2008 г., пиринговая платежная система «Биткойн» в последнее время все чаще используется как для законной онлайн-торговли в различных странах мира, так и для осуществления операций на «черном» рынке товаров и услуг. Следует уточнить, что все типы виртуальных валют, использующие протокол «биткойн», применяют метод криптографии, представленный технологией блокчейна. Концепция биткойна предполагает, что он имеет чисто цифровой и нефизический характер без поддержки государственной власти и представляет собой альтернативу деньгам (официальной валюте). В Испании первый терминал обслуживания операций с криптовалютой биткойн (разработан испанской компанией «Vbank») был установлен в феврале 2014 г. в ходе Всемирного мобильного конгресса в г. Барселоне. Стремительное распространение и рост популярности в Испании этой криптовалюты, учитывая широкие потенциальные возможности ее использования для отмывания денег и финансирования незаконной деятельности, потребовали от испанских компетентных органов выработки путей правового регулирования ее оборота.

На начальном этапе распространения биткойн рассматривался испанскими юристами, специализирующимися в сфере интернет-технологий, исключительно как движимое имущество, т.н. «цифровой

товар» (а не платежное средство), регулирование оборота подпадающего под действие положений Гражданского кодекса Испании (ст. 335, 337, 345)¹. Этот товар мог быть приобретен покупателем в обмен на денежные средства либо быть обменян в рамках договора мены на другие предметы или услуги (ст. 1538). Предполагалось, что такого рода операции требуют начисления соответствующей ставки налога на добавленную стоимость (21%) и выдачу кассового чека.

В мае 2014 г. на многочисленные запросы заинтересованных представителей общественности Налоговое агентство Испании выпустило разъяснения, вследствие чего оборот биткойна был включен в сферу регулирования Закона 10/2010 от 28 апреля «О противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма»². В соответствии с этой нормой в числе наличных платежных средств (наряду с банкнотами, монетами, банковскими чеками на предъявителя) фигурируют «любые другие платежные средства, в т.ч. электронные, которые могут быть использованы для осуществления платежа на предъявителя» (п. 2 ст. 34). Фактически криптовалюта биткойн стала идентифицироваться как электронное платежное средство. Использование криптовалюты при финансировании преступлений бросает вызов международному уголовному праву³.

Такая трактовка статуса биткойна предполагает применение к нему общих ограничений, существующих в Испании в отношении оборота наличных денежных средств. В частности, Законом 7/2012 от 29 октября «О внесении изменений в налоговое и бюджетное законодательство и приведении в соответствие финансового законодательства для усиления предупреждения и борьбы с мошенничеством»⁴ установлен лимит на осуществление наличных платежей на сумму, равную и превышающую 2,5 тыс. евро (или эквивалент иностранной валюты), в случае если одна из сторон производит или принимает платеж в рамках предпринимательской деятельности. Указанное ограничение может быть увеличено до 15 тыс. евро, если плательщиком является физическое лицо, не имеющее

¹ Real Decreto del 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil // BOE. Núm. 206, de 25/07/1889. Далее - ГК Испании, ГК.

² Ley 10/2010, de 28 de abril, de prevención del blanqueo de capitales y de la financiación del terrorismo // BOE. Núm. 103, de 29/04/2010.

³ См, например: Сообщение Комиссии Европейскому парламенту и Совету: план действий по активизации борьбы с финансированием терроризма, Европейская комиссия, 2 февраля 2016 г. URL: <http://bit.ly/2JPwxI2> (дата обращения: 27.08.2019 г.).

⁴ Ley 7/2012, de 29 de octubre, de modificación de la normativa tributaria y presupuestaria y de adecuación de la normativa financiera para la intensificación de las actuaciones en la prevención y lucha contra el fraude // BOE. Núm. 261, de 30/10/2012.

налоговой резиденции в Испании и не выступающее в качестве предпринимателя. Как плательщику, так и получателю, допустившему нарушение данной нормы, грозит штраф до 25% суммы платежа, равного или превышающего вышеуказанный размер ограничения.

Таким образом, в настоящее время платежи, совершаемые в биткойне, не могут равняться или превышать 2500 евро, по крайней мере, в теории, т.к. правоприменительная практика регулирования обращения криптовалюты на сегодняшний день отсутствует.

С учетом того, что использование биткойна стало получать широкое распространение в сфере онлайн-азартных игр, Генеральная дирекция по регулированию азартных игр (входит в структуру Минфина Испании) выпустила в сентябре 2014 г. специальные разъяснения, касающиеся статуса и оборота этой криптовалюты. В частности, в них говорится, что использование биткойна подпадает под сферу действия Закона 13/2011 от 27 мая «О регулировании азартных игр»⁵. Ст. 3 гласит, что для целей данного закона «под азартной игрой понимается любая деятельность, в рамках которой подвергаются риску денежные суммы или предметы, имеющие экономическую ценность в любой форме, исходя из будущих неизвестных результатов, зависящих в какой-то степени от случайности, которые могут передаваться между участниками». Из этого Генеральная дирекция делает вывод, что хотя биткойн по своей природе деньгами не считается, однако может рассматриваться в качестве таковых в части применения закона об азартных играх.

Представители местного экспертного сообщества полагают⁶, что если биткойн уже сейчас рассматривается в качестве допустимого платежного средства в рамках применения отдельных законов, то в ближайшем будущем его толкование по аналогии вполне может распространиться на все правовое поле Испании. Отмечается, что позиция официальных властей Испании в отношении регулирования оборота биткойна за последнее время заметно эволюционировала в направлении его признания в качестве платежной системы, что в целом соответствует общемировой тенденции (биткойн признан платежным средством в ряде штатов США, Швейцарии, Хорватии, в Германии считается «частными деньгами»).

На настоящий момент, как следует из официальных заявлений, испанские власти, ссылаясь на то, что использование биткойна пока носит в стране «ограниченный характер», не планируют разработку специальных норм, регулирующих его оборот, ограничиваясь

⁵ Ley 13/2011, de 27 de mayo, de regulación del juego // BOE. Núm. 127, de 28/05/2011.

⁶ Eduardo Vilá. Sobre criptomonedas y su regulación legal. Madrid, 2018.

«наблюдением» за развитием этого нового феномена. Мадрид не претендует на совершение каких-либо новаторских шагов в данной сфере и исходит из того, что в перспективе на международном либо на европейском уровне будет выработана консолидированная линия по поводу биткойна.

На фоне развития платежной системы «Биткойн» правоохранительные органы столкнулись с проблемой выявления злоумышленников, использующих ее в противоправной деятельности. Испанскими правоохранительными органами в работе на данном направлении используются апробированные в мировой практике методы идентификации участников подозрительных операций с использованием даркнета (ниже приводятся основные).

Первый способ заключается в отслеживании перемещения денежных средств. Биткойн имеет цепочку блоков транзакций (т.н. блокчейны), к которой может получить доступ любой пользователь Интернета, даже не имеющий отношения к операциям с биткойном. Тем не менее блокчейны не содержат сведения о пользователях, а только адреса папок по каждой транзакции. Кроме того, в даркнете используются протоколы Tor для поиска и отправки данных, что также затрудняет получение IP-адреса компьютера и делает невозможным отслеживание движения конкретных биткойнов. Несмотря на это, при подозрительных операциях правоохранительные органы имеют возможность идентифицировать их участников в момент конвертации биткойнов в наличные деньги (евро, доллары, песо и др.) в пунктах обмена биткойнов.

Второй способ состоит в мониторинге других веб-сайтов, которые подозреваемые могут использовать для информирования их пользователей о своих услугах и товарах, реализуемых в даркнете, для привлечения максимального числа клиентов. Это дает возможность правоохранительным органам идентифицировать их через IP-адреса или вступить с ними в контакт через другие средства коммуникации (электронные адреса, мобильные приложения и др.).

Третий способ – контроль почтовых отправлений – представляется более очевидным, но осложняется необходимостью получения судебного решения для их вскрытия. При выявлении подозрительных посылок и писем осуществляется их сканирование с использованием современного оборудования, позволяющего выявлять предметы, запрещенные к обороту, в т.ч. наркотики и оружие, с сокрытием в обычных вещах, до получения адресатом. Сведения о получателе или отправителе, указанные на подозрительных почтовых отправлениях, могут правоохранительным органам помочь выйти на реальных

участников незаконных операций в даркнете и помочь в пресечении каналов поставок наркотиков и оружия.

Четвертый способ – скрытое наблюдение – относится к традиционным оперативно-розыскным мероприятиям, но также может использоваться для проверки информации о подозреваемых лицах, изучения их повседневного образа жизни и активности в даркнете (например, анализ совпадения сессий подозреваемого в Интернете и его появления в общественных местах для использования Wi-Fi).

Пятый способ – оперативное внедрение – также относится к классическим видам оперативно-розыскных мероприятий, но имеет современные особенности. Вступившие в силу в декабре 2015 г. изменения в Закон 1882 от 14 сентября «Об уголовном процессе»⁷ позволяют сотрудникам криминальной полиции по разрешению следственного суда действовать под вымышленными данными в социальных сетях для сбора доказательной базы (п. 6 ст. 282 бис). В даркнете внедренные сотрудники выступают в качестве клиентов, программистов, поставщиков и других участников «черного» рынка, стараясь установить доверительные отношения с подозреваемыми.

В 2018 г. в Мадриде впервые был вынесен приговор за мошенничество с использованием криптовалюты. Администратор компании «Cloudtd Trading & DEVS LTD» заключил несколько контрактов на управление биткойнами без намерения исполнять обязательства. Злоумышленник осужден на 2 года лишения свободы и привлечен к возмещению имущественного вреда, причиненного потерпевшим⁸.

Виртуальная валюта – новый технологичный инструмент, который за короткое время приобрел широкую популярность в мировом сообществе. Вместе с такими преимуществами, как защита неприкосновенности частной жизни, простота международных операций и снижение транспортных (накладных) расходов, является источником рисков, которые могут привести к более сложному судебному преследованию за наказуемые деяния с использованием криптовалюты.

В соответствии с рекомендациями различных международных организаций (Европейский центральный банк, Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег⁹ и др.) законодательным и правоприменительным органам необходимо внимательно следить за

⁷ Real Decreto de 14 de septiembre de 1882, aprobatorio de la Ley de Enjuiciamiento Criminal // GACETA de 17/10/1882. (Revisión vigente desde 06 de Diciembre de 2015).

⁸ URL: <https://www.maestreabogados.com/primer-condena-estafa-bitcoins/> (дата обращения: 27.08.2019 г.).

⁹ Financial Action Task Force on Money Laundering (FATF).

развитием событий в применении виртуальных валют. Оборот криптовалюты среди неопределенного числа субъектов, расположенных в нескольких юрисдикциях по всему миру, создает некоторые трудности в работе правоохранительных структур. Вызовы международному уголовному праву и процессу видим в неэффективности традиционной модели борьбы с отмыванием денег, терроризмом и другими видами общественно опасных деяний, необходимости создания новых способов борьбы с незаконной деятельностью и возможным применением при этом криптовалюты.

Список литературы

1. Долгиева М.М. Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101) апрель. С. 128 – 139.

2. Максуров А.А. К вопросу о юридической ответственности за использование криптовалюты при производстве расчетов // Вестник Омской юридической академии. 2018. Том 15. № 4. С. 428 – 433.

3. Eduardo Vilá. Sobre criptomonedas y su regulacion legal. Madrid, 2018.

4. Ley 10/2010, de 28 de abril, de prevención del blanqueo de capitales y de la financiación del terrorismo // BOE. Núm. 103, de 29/04/2010.

5. Ley 13/2011, de 27 de mayo, de regulación del juego // BOE. Núm. 127, de 28/05/2011.

6. Ley 7/2012, de 29 de octubre, de modificación de la normativa tributaria y presupuestaria y de adecuación de la normativa financiera para la intensificación de las actuaciones en la prevención y lucha contra el fraude // BOE. Núm. 261, de 30/10/2012.

7. Real Decreto de 14 de septiembre de 1882, aprobatorio de la Ley de Enjuiciamiento Criminal // GACETA de 17/10/1882 (Revisión vigente desde 06 de Diciembre de 2015).

8. Real Decreto del 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil // BOE. Núm. 206, de 25/07/1889.

9. Сообщение Комиссии Европейскому парламенту и Совету: план действий по активизации борьбы с финансированием терроризма, Европейская комиссия, 2 февраля 2016 г. URL: <http://bit.ly/2JPwxI2> (Дата обращения: 27.08.2019 г.).

**DETECTION OF CRIMES COMMITTED BY USING
CRYPTOCURRENCY
(EXPERIENCE OF THE KINGDOM OF SPAIN)**

A. M. Trofimets

Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kingdom of Spain, Madrid

The Spanish legislative and law enforcement experience in combating the use of cryptocurrencies for illicit activities is shown in the article. The author considers possible ways of detecting crimes involving the use of cryptocurrencies applied by Spanish law enforcement agencies.

Keywords: *cryptocurrency, virtual currency (money), bitcoins, blockchains, darknet, money laundering, operational and investigative measures.*

Об авторе

ТРОФИМЕЦ Александр Михайлович – представитель МВД России в Королевстве Испания, кандидат юридических наук (28028, Мадрид, ул. Веласкес, 155, +34638430694), e-mail: atrofimets@yandex.ru

TROFIMETS Alexander – representative of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kingdom of Spain, PhD (28028, Madrid, Velasquez street, 155, +34638430694), e-mail: atrofimets@yandex.ru

Трофимец А.М. Выявление преступлений, совершенных с использованием криптовалюты (опыт Королевства Испания) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 104 – 110.

УДК 343.9 : 004

О МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В. В. Харитошкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются различные аспекты взаимодействия российского и международного уголовного права по вопросам борьбы с киберпреступностью.

***Ключевые слова:** информационные технологии, киберпреступность, компьютерная безопасность, международное право, российское уголовное право, имплементация.*

Широкое внедрение информационных технологий во все сферы жизни, доступность использования информации стали неременным условием развития науки, техники и цифровой экономики. В этих условиях любые преступные проявления, направленные против компьютерной безопасности, создают реальную угрозу научно-техническому прогрессу и национальной безопасности государства в целом.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. утверждена новая Доктрина информационной безопасности Российской Федерации¹. В ней отмечается, что повышение эффективности профилактики правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий, и противодействие таким правонарушениям являются важной составляющей обеспечения информационной безопасности.

Действующее законодательство Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за различные виды преступлений в сфере киберпреступности (ст. 272–274 УК РФ). Аналогичный подход наблюдается и за рубежом. По различным экспертным оценкам в последние годы, в мире отмечается как рост количества компьютерных преступлений, так и объема ущерба, причиненного в результате их совершения². При этом особенностью киберпреступности является то, что она носит транснациональный характер. Следовательно, изучение зарубежного законодательства в сфере информационной безопасности представляется не только

¹ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «Гарант».

² См. подробнее: Лацинская М. Group-IB предоставила отчет о хакерских атаках // Газета. RU. 13 октября 2016 г. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/10/13/10249697/cybercrimecon.2016>

полезным, но и необходимым. Учет подобного опыта позволит избежать возможных ошибок и поможет решить многие проблемы установления уголовной ответственности за информационные преступления.

Важную роль в консолидации усилий государств в деле решения проблем информационной безопасности призвана была сыграть Конвенция о киберпреступности, вступившая в силу 1 июля 2004 г. Ее участниками стали 38 государств-членов Совета Европы, а также США, Канада, Япония, ЮАР и ряд других государств. Данная Конвенция содержит подробную классификацию киберпреступлений. Кроме того в ней указан порядок взаимодействия государств, чьи интересы пострадали в результате действий киберпреступников, а также регулируются вопросы хранения и использования личной информации клиентов интернет-провайдеров при расследовании преступлений.

Следует отметить, что в подготовке Конвенции активное участие принимали и российские специалисты. Но подписав в 2005 г. данную Конвенцию, наша страна вскоре отозвала свою подпись³. Что же явилось причиной такого решения? Российская сторона посчитала неприемлемым отсутствие условий трансграничного доступа к компьютерным системам, а ряд положений Конвенции, по мнению экспертов, содержит непосредственную угрозу национальной безопасности и суверенитету нашей страны.

В сложившейся ситуации в России обратили внимание на малайзийскую инициативу ИМРАСТ⁴, цель которой – повышение способности глобального сообщества решать проблемы, связанные с информационной безопасностью. Для нашей страны, по мнению ряда экспертов, это направление международного сотрудничества представляется в настоящее время более перспективным.

Важное значение для правоприменительной практики имели решения на международном уровне вопросов юридической техники, а также разработка целого ряда юридических понятий. В качестве одного из примеров можно привести разработанное ЮНЕСКО определение информационных технологий, под которыми понимаются «комплекс взаимосвязанных научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации охраны труда людей, занятых обработкой и хранением информации; вычислительная техника

³ См.: Распоряжение Президента РФ «О подписании Конвенции о киберпреступности» от 15.11.2005 г. № 557-рп // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4929; Распоряжение Президента РФ «О признании утратившим силу Распоряжение Президента РФ от 15.11.2005 г. "О подписании Конвенции о киберпреступности" от 22.03.2008 г. № 144-рп» // СЗ РФ. 2008. № 13. Ст. 1295.

⁴ ИМРАСТ – Международное многостороннее партнерство против кибер-угроз.

и методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практические приложения, а также социальные, экономические и культурные проблемы»⁵.

В этой связи следует отметить, что появлению в действующем УК РФ отдельной главы о преступлениях в сфере компьютерной безопасности (гл. 28), включающей нормы об ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ), во многом способствовало введению в правовую систему России целого ряда понятий в сфере информационной безопасности, разработанных и принятых на международном уровне.

Говоря о совершенствовании российского уголовного законодательства в сфере борьбы с киберпреступностью нельзя не отметить и Модельный уголовный кодекс для стран-участниц СНГ, принятый 17 февраля 1996 г. В гл. 30 раздела «Преступления против информационной безопасности», наряду с известными российскому уголовному праву составами преступлений в сфере компьютерной информации, упоминается также об изготовлении с целью сбыта, а равно сбыте специальных программных или аппаратных средств для получения неправомерного доступа к защищенной компьютерной системе или сети (ст. 290). Представляет интерес и ст. 289, рассматривающая как преступление небольшой тяжести несанкционированное копирование или иное неправомерное завладение информацией, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, а равно перехват информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи⁶.

В последние годы информационные технологии все чаще используются организованной преступностью в самых разнообразных сферах. С появлением новых информационных возможностей все более острыми становятся проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, а также распространением

⁵ См.: Федотова Е.Л. Информационные технологии и системы: учеб. пособие. М.: Форум: Инфра-М, 2011. С. 66.

⁶ См.: Модельный Уголовный кодекс государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 1997. № 10.

порнографических материалов. Так, по мнению эксперта ООН С. Шоула, являющегося координатором Программы ООН по контролю за оборотом наркотиков, Интернет стал тайной лабораторией для их изготовления, а его сеть оказалась заполненной сайтами пронаркотического содержания⁷.

Учитывая транснациональный характер преступности, связанной с наркобизнесом, в качестве юридической основы для создания национального законодательства на международном уровне была признана необходимой разработка конвенций по борьбе с этим злом. Важную роль в развитии российского уголовного законодательства в данной сфере сыграли Единая конвенция о наркотических средствах (Нью-Йорк, 1961 г.), Конвенция о психотропных веществах (Вена, 1971 г.) и Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 1988 год). В конвенциях указаны все виды преступлений, охватываемых понятием «наркобизнес». В действующем российском уголовном законе установлена ответственность практически за все эти деяния. После вступления в силу УК РФ было внесено около 70 поправок, касающихся установления либо усиления уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, включая появление новых составов. Все это говорит о том, что Российская Федерация осуществляет последовательную имплементацию норм международных конвенций по борьбе с наркобизнесом в отечественное законодательство.

Принимая во внимание рекомендации об усилении уголовной ответственности за злоупотребление в сфере телекоммуникаций и высоких технологий при совершении преступлений, содержащиеся в Международном пакте о гражданских и политических правах (ч. 3 ст. 19) и Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод (п. 2 ст. 10), в ряд составов УК РФ был включен квалифицирующий признак «с использованием средств массовой информации, либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)». Так, с принятием Федерального закона от 1 марта 2012 г. №18 ФЗ этот квалифицирующий признак появился в ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе РФ находится законопроект о введении уголовного наказания за пропаганду и рекламу в сети Интернет наркотических средств. Ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ и их

⁷ См.: Гузеева О. Ответственность за распространение информации пронаркотического характера в российском сегменте в сети Интернет // Законность. 2007. № 7. С. 41 – 43.

прекурсоров предусмотрена в ч. 1 ст. 46 ФЗ РФ от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах»⁸, ст. 4 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации»⁹, ст. 6.13 Кодекса об административных правонарушениях, а также ст. 230 УК РФ.

В меньшей степени в международно-правовых актах регулируются вопросы ответственности за распространение в сети Интернет порнографических материалов. Так, в том же Международном Пакте о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод содержится ряд положений, касающихся вопросов нравственных критериев при оценке материалов, размещаемых в различных информационных источниках.

При этом особое внимание обращается на распространение, публичную демонстрацию или рекламирование порнографических материалов с изображением несовершеннолетних. Учитывая имеющийся международный опыт борьбы с такого рода преступлениями, в 2012 г. в УК РФ были внесены редакционные изменения и дополнения в ст. 242 УК РФ, а также появились две новые статьи: 242.1 и ст. 242.2. В 2013 г. Россия ратифицировала Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS № 201) от 25 октября 2007 г.¹⁰. Данная конвенция содержит перечень деяний, которые государству-участнику необходимо криминализировать: производство детской порнографии, распространение или передача детской порнографии, преднамеренное получение к доступу детской порнографии при помощи информационно-коммуникационных технологий. Соответствующее положение также было включено в европейскую Конвенцию о борьбе с киберпреступностью 2001 г. (ETS № 185)¹¹. Эта Конвенция предусматривает для государств-участников установить в своем внутреннем законодательстве в качестве уголовно-наказуемых следующие деяния: изготовление материалов, связанное с детской порнографией, с целью распространения их через компьютерную систему; предложения или предоставление материалов, связанных с детской порнографией, через компьютерную систему; получение

⁸ См.: СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

⁹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.

¹⁰ См.: Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS № 201) от 25 октября 2007 г. // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 632.

¹¹ См.: Конвенция о преступности в сфере компьютерной безопасности (ETS № 185): заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. // СПС «Консультант Плюс».

материалов, связанных с детской порнографией, через компьютерную систему для самого себя или для другого лица; обладание материалами, связанными с детской порнографией, в компьютерной системе или на носителе компьютерных данных.¹²

В целом сравнение отечественного уголовного права и международно-правовых источников по вопросам обеспечения эффективного и безопасного использования информационных технологий позволяет сделать вывод, что наша страна является активным участником многих соглашений в этой сфере и придерживается большинства рекомендаций, выдвигаемых международным сообществом.

Список литературы

1. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (СЕТС № 201) от 25 октября 2007 // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 632.

2. Конвенция о преступности в сфере компьютерной безопасности (ETS № 185): заключена в г. Будапеште 23 ноября 2003 // СПС «Консультант Плюс».

3. Модельный Уголовный кодекс государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 1997. № 10.

4. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «Гарант».

5. Распоряжение Президента РФ «О подписании Конвенции о киберпреступности» от 15.11.2005 г. № 557-рп // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4929.

6. Распоряжение Президента РФ «О признании утратившим силу Распоряжение Президента РФ от 15.11.2005 г. "О подписании Конвенции о киберпреступности" от 22.03.2008 г. № 144-рп» // СЗ РФ. 2008. № 13. Ст. 1295.

11. Заирная М.М. Преступления в сфере оборота порнографических материалов и предметов: монография. М: Юрлитинформ, 2017.

7. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.

¹² См.: Заирная М.М. Преступления в сфере оборота порнографических материалов и предметов: монография. М: Юрлитинформ, 2017. С. 22.

8. Гузеева О. Ответственность за распространение информации пронаркотического характера в российском сегменте в сети Интернет // Законность. 2007. №7. С. 41–43.

9. Лацинская М. Group-IB предоставила отчет о хакерских атаках // Газета. RU. 13 октября 2016 г. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/10/13/10249697/cybercrimecon.2016>

10. Федотова Е.Л. Информационные технологии и системы: учеб. пособие. М.: Форум: Инфра-М, 2011.

ON MEASURES AGAINST CYBER CRIME IN INTERNATIONAL AND RUSSIAN CRIMINAL LAW

V. V. Haritoshkin

Tver State University

The article discusses various aspects of the interaction of Russian and international criminal law in the fight against cybercrime.

Keywords: *information technology, cybercrime, computer security, international law, Russian criminal law, implementation.*

Об авторе

ХАРИТОШКИН Валерий Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

HARITOSHKIN Valery – PhD, Professor, head. department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33); e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

Харитошкин В.В. О мерах противодействия киберпреступности в международном и российском уголовном праве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 111 – 117.

Трибуна молодого учёного

УДК 347.63

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА РЕБЕНКА КАК ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. А. Геворгян

Пермский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
университет

“Высшая школа экономики”», г. Пермь

Исследуются вопросы о нематериальных благах как частном и публичном правовых явлениях. Нематериальные блага рассматриваются в качестве института частного права, института публичного права, в качестве межотраслевой категории, элемента правовой системы РФ, системы права РФ, отрасли права и правового статуса гражданина. Сделан вывод о том, что нематериальные блага ребенка представляются в качестве благ, выходящих за пределы частного интереса, ибо касаются как индивидуального, так и национального интереса.

***Ключевые слова:** частное и публичное правовое явление, элемент правовой системы, правовой статус.*

Вопрос о нематериальных благах ребенка как категории частного и публичного права представляет научный и практический интерес. В юридической литературе данная тематика относится к малоизученным вопросам¹. Вместе с тем применительно к ребенку нематериальные блага выходят за рамки частного правового явления, ибо государство заинтересовано в том, чтобы социализация каждого ребенка, его воспитание и развитие свидетельствовали о «достойной смене» – поколении россиян, приходящих в «большое» общество, способных самостоятельно жить и действовать.

Частное и публичное наиболее характерно именно для нематериальных благ. Входящие в их состав блага касаются основ жизнедеятельности ребенка: его здоровья, развития, воспитания, образования, места жительства, социализации, ответственности, взаимной заботы каждого члена семьи друг о друге, уважения, поддержки, обеспечения, сохранения и продолжения достойной жизни.

¹ Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в РФ: монография. 2-е издание. М.: Проспект, 2014; Беспалов Ю.Ф. Права ребенка в РФ и проблемы их осуществления: монография / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2018; Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018; Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве РФ. М.: Городец, 2007; Нечаева А.М. Россия и её дети. М.: Грааль, 2000.

В нематериальных благах частное и публичное присутствует во всем: не только в конечной цели, средствах, способах ее достижения, но и в едином и одновременно многоаспектном действии в интересах ребенка, семьи, общества и государства. Сочетание частного и публичного прав в нематериальных благах ребенка – явление объективное, свойственное всякому демократическому и ответственному за человека государству.

Частное и публичное право представляется как в нормативных правовых актах государства, так и в его политике. В частности, Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.²

К сожалению, как перечень нематериальных благ, для которого характерны узорность, неясность, так и реальное обеспечение нематериальных благ, которые определяются заботой государства, нуждаются в пересмотре, ибо не наделяют ребенка всем необходимым для его благополучия и не решают основные задачи: продолжение здоровой жизни, проведение для этого социально-экономических преобразований. Государство рассчитывает, что каждый ребенок станет достойным россиянином – гражданином РФ, осознающим и понимающим проблемы семьи, общества и государства, способным эти проблемы решать как в сугубо личном, частном аспекте, так и публичном или государственном.

Анализ положений ГК РФ, СК РФ о нематериальных благах как социально-правовом явлении позволяет сделать вывод о том, что нематериальные блага могут быть рассмотрены в качестве института частного и института публичного права, в качестве межотраслевой (комплексной) категории (механизма), а также в качестве элемента правового статуса гражданина, элемента правовой системы РФ, элемента системы права РФ и отрасли права.

Нематериальные блага как институт частного права есть систематизированная совокупность норм гражданского и семейного права, регламентирующих осуществление, охрану и защиту нематериальных благ как частного правового явления. В этом случае нематериальные блага удовлетворяют потребности ребенка как частного лица, как субъекта частных прав. Например, каждому ребенку присваивается имя в широком смысле слова (ст. 58 СК РФ, ФЗ от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 03.07.2019 г.) «Об актах гражданского состояния»), в том числе при установлении отцовства.

² Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.08.2014 г.).

Так, отменяя решение Раменского районного суда Московской области от 01.03.2004 г., Президиум Московского областного суда в постановлении от 27.10.2004 г. указал следующее: «З.И. и его представитель просили суд установить отцовство, а также внести изменения в актовую запись о рождении детей. Согласно ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение по заявленным истцом требованиям. В нарушение указанной нормы права суд вышел за пределы заявленных требований, присвоив детям фамилию истца. Кроме того, суд рассмотрел дело в отсутствие ответчицы. Согласно ст. 233 ГПК РФ в случае неявки в судебное заседание ответчика, извещенного о времени и месте судебного заседания, не сообщившего об уважительных причинах неявки и не просившего о рассмотрении дела в его отсутствие, дело может быть рассмотрено в порядке заочного судопроизводства. Признав возможным рассмотрение дела в порядке заочного судопроизводства, суд не учел, что в материалах дела сведения о надлежащем извещении Г.М. о времени и месте судебного заседания отсутствуют. Из имеющегося на л. д. 22 уведомления невозможно определить, вручена ли Г.М. судебная повестка. Не указано также и время ее вызова в суд. В определении судьи о направлении дела на рассмотрение президиума Московского областного суда ставится вопрос об отмене решения суда в полном объеме, поскольку суд не принял всех необходимых мер к выяснению всех обстоятельств по делу, удовлетворил иски о установлении отцовства, руководствуясь лишь заключением клинично-диагностической лаборатории "Геном", и, дав оценку объяснениям свидетелей, вопрос о проведении по делу генетической дактилоскопической экспертизы не обсудил и не выяснил, не исключается ли отцовство З.И. в отношении детей, родившихся у Г.М. Между тем Г.М. не обжалует решение суда в части установления отцовства З.И. в отношении ее двух детей, а просит отменить решение лишь в части изменения фамилии и отчества детей»³.

Нематериальные блага как институт публичного права есть систематизированная совокупность норм публичного (административного, уголовного) права, регламентирующих нематериальные блага в публично-правовой сфере и устанавливающих уголовную ответственность за посягательства на них. В этой ситуации нематериальные блага служат публичным интересам, направленным на социализацию ребенка, подготовленность его к решению не только собственных задач, но и задач семьи, общества и государства.

³ Постановление Президиума Московского областного суда от 27.10.2004 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Рассматривая нематериальные блага как публичную категорию, обратимся к положениям ст. 3 - 4, 8 «Конвенции о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.)⁴, ст. 4 - 7, 12.1 ФЗ от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁵, в которых государство принимает на себя обязанность по особой заботе о ребенке. Отметим, что публичное представлено и в СК РФ, в его ст. 1, 7 - 8, 56, 63. По своей природе СК РФ, являясь частноправовым актом, содержит положения публичного права. Государство заинтересовано в воспитании достойного поколения россиян.

Если в отношении совершеннолетних граждан государство в основном заботится об их нормальной деятельности как граждан и «включает» свои рычаги принуждения при их противоправном поведении, то применительно к ребенку государство проявляет заботу о его благополучном развитии и воспитании и всячески «оберегает» ребенка от любого зла. Бесспорно, и в таком положении существуют проблемы. Государство пытается создать для каждого ребенка благоприятные условия его жизнедеятельности и особо старается помочь ребенку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации⁶.

Нельзя не отметить, что государство допускает множество недостатков и пока не исполняет должным образом взятые на себя обязательства даже по отношению к ребенку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации. В Государственном докладе о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2017 г. указано, что по состоянию на 1 января 2018 г. численность детей-сирот и лиц из их числа в возрасте от 14 лет и старше, состоящих на учете в качестве нуждающихся в обеспечении жилыми помещениями, составила 244 073 чел. (на 1 января 2017 г. – 246 817 чел.); по состоянию на 1 января 2018 г. численность детей-сирот и лиц из их числа в возрасте от 18 лет и старше, у которых право на получение жилого помещения возникло и

⁴ Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI: Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1990 года, которые в настоящее время являются договорами Российской Федерации как государства – продолжателя Союза ССР / МИД РФ. М.: Междунар. отношения, 1993.

⁵ Российская газета. 1998. 5 авг.

⁶ Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 18.07.2019 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // РГ. 1995. 2 дек.; Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 25.12.2018 г.) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // РГ. 1996. 27 дек.

не реализовано, составила 157 128 чел. (на 1 января 2017 г. – 158 925 чел.)»⁷.

Нематериальные блага как комплексный (межотраслевой) институт есть совокупность норм гражданского, семейного, административного и иных отраслей права, регламентирующих отношения, действующие по поводу нематериальных благ. В гражданском и семейном праве и отраслях публичного права как элемент правового статуса ребенка нематериальные блага представляются в виде личных неимущественных прав, т.е. в качестве сугубо прав неимущественного характера, которые наряду с правоспособностью и дееспособностью составляют гражданско- и семейно-правовой статус ребенка.

Как элемент правовой системы РФ, отрасли права нематериальные блага предоставляются в виде специальной правовой конструкции, входящей в систему объективного права РФ.

Исходя из положений ГК РФ и СК РФ, можно заключить, что нематериальные блага являются объектами прав (ст. 128 ГК РФ, ст. 1, 31; гл. 11 - 12 СК РФ); сугубо правами (ст. 19 - 20, 152.1, 152.2 ГК РФ и т.д.; ст. 1, 54, 63 СК РФ).

Анализ ст. 150 ГК РФ и многих положений СК РФ позволяет сделать вывод о том, что названные нематериальные блага являются по сути благами, отнесенными к категориям философии, социологии, юриспруденции, нравственности, другим, в том числе сугубо правовым, явлениям.

Некоторые из них изложены неясно (например, «авторство»), а некоторые отчуждаемы: «имя» становится отчеством (ст. 58. п. 2 СК РФ); защита чести и достоинства; охрана изображения и частной жизни передаются в порядке наследования (ст. 152, 152.1, 152.2 ГК РФ).

Нематериальные блага ребенка – явления жизни и деятельности, по поводу которых субъекты не только вступают в правовые связи между собой, но и по поводу которых у субъектов действуют права и обязанности и по поводу которых, они изменяются или прекращаются. Нематериальные блага ребенка включают в себя и некоторые аналогичные права его родителей (лиц их заменяющих) и действуют одновременно – например, право на воспитание, обязанность воспитывать детей.

Таким образом, нематериальные блага как социально-правовая категория – явление многозначимое, включающее в себя по существу не только правовой аспект, но и социальный, философский, нравственный, а следовательно, нематериальные блага представлены в виде категории

⁷ Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2017 год. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/1320>

как частного, так и публичного права. Следовало бы ГК РФ в этой части уточнить и для уяснения существа нематериальных благ закрепить положения об их правовом режиме, который включает требования частного и публичного права.

СК РФ необходимо дополнить отдельной статьей об объектах семейных прав и статьей об их правовом режиме, также характеризующемся частным и публичным интересом. Такие положения непременно повлекут улучшение положения детей, их достойное воспитание и развитие, продолжение рода и жизни.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 18.07.2019 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // РГ. 1995. 2 дек.
2. Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 25.12.2018 г.) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // РГ. 1996. 27 дек.
3. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // РГ. 1998. 5 авг.
4. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.08.2014 г.).
5. Постановление Президиума Московского областного суда от 27.10.2004 г. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Беспалов Ю.Ф. Права ребенка в РФ и проблемы их осуществления. Монография // отв. ред. Беспалов Ю.Ф., М.: Проспект, 2018. 228 с.
7. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в РФ: монография. – 2-е издание. – М.: Проспект, 2014. – 240 с.
8. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2017 год. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/1320>
9. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве РФ. М.: Городец, 2007.
10. Нечаева А.М. Россия и её дети. М. : Грааль, 2000. 238 с.
11. Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI: Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1990 года, которые в настоящее время являются договорами Российской Федерации как государства – продолжателя Союза ССР / МИД РФ. М.: Междунар. отношения, 1993. – 496 с.
12. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. – М.: Проспект, 2018. 144 с.

INTANGIBLE BENEFITS THE CHILD AS PRIVATE AND PUBLIC LEGAL PHENOMENON IN THE RUSSIAN FEDERATION

M. A. Gevorgyan

Perm branch «National Research University
"High School of Economics"»

This article takes a look at questions about intangible benefits like private and public legal phenomenon. Intangible goods are considered as an institution of private law, an institute of public law, as an intersectoral category, an element of the legal system of the Russian Federation, the system of law of the Russian Federation, the branch of law and the legal status of a citizen. It is concluded that the intangible goods of the child are presented as goods that go beyond the limits of private interest, because they relate to both individual and national interests.

Keywords: *private and public legal phenomenon, element of the legal system, legal status.*

Об авторе

ГЕВОРГЯН Мария Анатольевна – преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”», e-mail: Nksmsg@mail.ru

GEVORGYAN Maria – teacher of the department of civil and business law of the Perm branch «National Research University "High School of Economics"», e-mail: Nksmsg@mail.ru

Геворгян М.А. Нематериальные блага ребенка как частное и публичное социально-правовые явления в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 118 – 124.

Журнал «Вестник Тверского государственного университета», серия «Право» решением Президиума ВАК включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов в редакции 2015 года, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии

170021, г. Тверь, 2-я Грибоедова, д. 22, ауд. 222

Тверской госуниверситет: телефон/факс: (4822) 70-06-57;

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 3 (59), 2019

Подписной индекс: **80208** (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 16.09.2019. Выход в свет 20.06.2019.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,9.

Тираж 500 экз. Заказ № 336.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в редакционно-издательском управлении

Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д.12, корпус Б.

Тел. РИУ: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*